

10

*Сорос
Тернер
Хилтон
Рокфеллер
Ротшильд и сыновья*

ГЕНИИ В БИЗНЕСА

*Форд
Гейтс
Нобель
Мердок
Третьяков*

 FOLIO

А. Ходоренко
10 гениев бизнеса
Серия «10 гениев»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4567262
10 гениев бизнеса.: Фолио; Харьков; 2008

Аннотация

Люди, о которых вы прочтете в этой книге, по-разному относились к своему богатству. Одни считали приумножение своих активов чрезвычайно важным, другие, наоборот, рассматривали свои, да и чужие деньги лишь как средство для достижения иных целей. Но общим для них является то, что их имена в той или иной степени становились знаковыми. Так, например, имена Альфреда Нобеля и Павла Третьякова – это символы культурных достижений человечества (Нобелевская премия и Третьяковская галерея). Конрад Хилтон и Генри Форд дали свои имена знаменитым торговым маркам – отельной и автомобильной. Биографии именно таких людей-символов, с их особым отношением к деньгам, власти, прибыли и вообще отношением к жизни мы и постарались включить в эту книгу.

Содержание

От автора	4
Майер Амшель Ротшильд и сыновья	6
Третьяков Павел Михайлович	28
Нобель Альфред Бернхард	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

А. Ходоренко

10 гениев бизнеса

От автора

«Мы будем богаты, как крысы!» – восхищенно говорил один из юных героев книги Марка Твена. На самом деле, конечно, герой писателя – Гек Финн – перепутал крыс со знаменитым лидийским царем Крезом, чье имя на долгие годы стало именем нарицательным, своего рода синонимом роскоши и богатства.

Однако время идет, и символами огромного богатства стали совершенно другие люди, имена которых в той или иной степени становились знаковыми. Так, например, имена Альфреда Нобеля и Павла Третьякова являются символами культурных достижений человечества (Нобелевская премия и Третьяковская галерея). Конрад Хилтон и Генри Форд дали свои имена знаменитым торговым маркам – отельной и автомобильной.

Биографии именно таких людей-символов, с их особым отношением к деньгам, власти, прибыли и вообще отношением к жизни мы и постарались включить в эту книгу. По этой причине здесь нет биографий многих знаменитых богачей, например губернатора Чукотки и владельца английского футбольного клуба Романа Абрамовича, нефтяного магната Михаила Ходорковского, основоположника автомобилестроения в Германии Готлиба Даймлера, американского авиаконструктора, основателя знаменитой авиастроительной фирмы «Макдоннелл – Дуглас» Джеймса Макдоннелла и многих, многих других...

Люди, о которых вы прочтете в этой книге, по-разному относились к своему богатству. Одни считали приумножение своих активов чрезвычайно важным, другие, наоборот, рассматривали свои, да и чужие деньги лишь как средство для достижения иных целей.

В интервью «New York Times» в 1996 году один из героев этой книги Тед Тернер сказал: «Все деньги находятся в руках у нескольких богатых людей, и они не собираются их отдавать. Это опасно для них и для страны. У нас может начаться вторая Французская революция: и тогда их головы полетят с плеч».

Генри Форд в своей автобиографии также писал: «Сила и машина, деньги и имущество полезны лишь постольку, поскольку они способствуют жизненной свободе. Они только средство для некоторой цели». И еще одна цитата из знаменитого создателя известного автомобиля: «Алчность к деньгам – вернейшее средство не добиться денег. Но если служишь ради самого служения, ради удовлетворения, которое дается сознанием правоты дела, то деньги сами собой появляются в избытке».

А вот, например, миллиардер Джон Рокфеллер, чтобы не тратить зря ни цента, с первой зарплаты купил маленькую бухгалтерскую книгу, куда записывал все свои расходы, и бережно хранил ее всю жизнь.

Людам, для которых богатство не является абсолютной и важной ценностью, порой бывает сложно понять мироощущение богачей. Великий немецкий поэт Генрих Гейне сравнивал состояние людей, которым так или иначе приходилось сталкиваться с бароном Джеймсом Ротшильдом, с тем состоянием, которое испытывал Моисей на горе Хорив, когда он заметил, что стоит на священной земле: приближаясь к кабинету Ротшильда, они испытывали трепетное благоговение, а входя в кабинет, прежде всего снимали с себя свою обувь, как это делал Моисей. Личный кабинет Джеймса представлялся им поистине удивительным местом...

А например, Билл Гейтс считал добывание огромного состояния вполне обычной работой. Вот как он описывал журналистам свой день: «Я в основном работаю до полуночи с

перерывом на обед в компании кого-нибудь из сотрудников. Затем я отправляюсь домой и где-то около часу читаю книги или журнал "Экономист". В офис я, как правило, возвращаюсь к девяти часам следующего дня».

Цели жизни гениев бизнеса были в чем-то противоположными, для некоторых героев этой книги деньги являлись самым важным в жизни, но многие использовали их как инструмент помощи другим людям. Имена первых, несомненно, стали символами богатства. Однако и имена других героев книги останутся в человеческой памяти – как символы благотворительности и помощи людям.

«Гуманитаризм дает цель моей жизни, позволяет мне чувствовать себя хорошо оттого, что знаю, что я хотя бы пытаюсь что-то сделать, что мои деньги – положительная сила в мире» (Тед Тернер).

Майер Амшель Ротшильд и сыновья

Ротшильд... Это имя в позапрошлом и прошлом веках было синонимом богатства, успеха, роскоши и престижа. Весь XIX век прошел под знаком влияния финансовой империи Ротшильдов, и только к его концу появились новые финансовые гиганты, которые составили ей серьезную конкуренцию. Семья Ротшильдов и сегодня является единственной в своем роде!

О банкирах Ротшильдах человечеству известно уже более двух с половиной веков. Именно столько длится их деятельность в мире финансового бизнеса. Члены знаменитого

клана живут на всех пяти континентах и поддерживают родственные отношения. Вероятно, никто другой, кроме самих Ротшильдов, не смог бы назвать общую сумму капитала, которым они владеют, хотя достоверно известно, что это фантастическая цифра. В чем же секрет успеха Ротшильдов? В нашей статье мы попытаемся в этом разобраться.

Свободный город Франкфурт-на-Майне, расположенный в центре оживленной торговли, с периода раннего Средневековья привлекал евреев. В течение последнего тысячелетия здесь успешно велись торговля и финансовые операции. Перед Французской революцией во Франкфурте насчитывалось 35 тысяч жителей, одну десятую из них составляли евреи. В 1462 году им был выделен специальный квартал, получивший название еврейского.

Именно из этого города ведет свою родословную династия знаменитых финансовых магнатов. Предки основателя династии Ротшильдов, Майера Ротшильда, на протяжении многих веков жили в одном из таких тесных гетто, всего 12 метров в ширину, «зажатые, как в клетке», между городской стеной и рвом, в убогом доме на перегороженной с обеих сторон Юденгассе (Еврейской улице), где возле запиравших вход и выход тяжелых цепей стояла стража.

Это была семья Ханов, образовавшая впоследствии одну из ветвей династии. Они переселились во Франкфурт в XVI веке. Их франкфуртское имя происходит от «дома с красной вывеской», в котором жила семья. Однако фамилия Ротшильд достаточно часто встречается в еврейских общинах – в Германии того времени евреям часто давали фамилии по какому-либо признаку, связанному с семьей, ее образом жизни. В 1585 году Исаак Эльханан получил прозвище «у красной вывески», в то время как на могиле его отца было написано только Эльханан. Следует, однако, отметить, что, по мнению некоторых других источников, «в 1750 г. Майер Амшель Бауэр унаследовал банковское дело своего отца во Франкфурте и сменил имя на Ротшильд: от "roten Schield" – "красный щит", который висел над входом в контору и был символом побед революционно настроенных евреев в Восточной Европе» (Н. Боголюбов. Тайные общества XX века. СПб., 1997).

Средства к существованию семье Ротшильдов, как и другим евреям, давала торговля, так как до XVIII века других финансовых банковских операций еще не было. Состояние у Ротшильдов было незначительное, образ жизни – скромный. С 1567 по 1580 год Исаак Эльханан уплатил налог с состояния в 2 тысячи 700 гульденов, а у его правнука Кальмана, скончавшегося в 1707 году, в 1690-м уже было состояние в 6 тысяч флоринов. Сын Кальмана в 1733–1735 годах имел на руках вексель известного вюртембергского придворного финансиста на 38 тысяч флоринов, свидетельствующий о том, что имели место крупные денежные операции. Но у Амшеля Мозеса, отца Майера Амшеля, было состояние всего в 1 тысячу 375 флоринов. Все это – очень незначительные суммы, если сравнить их с доходами и состоянием крупных придворных финансистов Берлина и Вены, многие из которых были миллионерами.

Молодой Майер Ротшильд обучался ремеслу в городе Ганновере (Северная Германия), поскольку там власти относились более снисходительно к обитателям еврейского гетто, чем во Франкфурте. В 1764 году, проведя несколько лет в качестве ученика в банкирском доме Оппенгеймеров, Майер Ротшильд вернулся во Франкфурт, где ему сразу же напомнили о его социальном положении. Молодому человеку снова пришлось, втянув голову в плечи, пробираться по улицам, робко прижимаясь к стенам и сняв с головы островерхий колпак.

За время, пока Майер Ротшильд учился в Ганновере, его семья окончательно обеднела и жила уже не на «богатом конце» Юденгассе в доме под красной вывеской, а в ветхой сырой лачуге, с карниза которой свисала сковорода на цепочке. Этот дом так и назывался – «дом под сковородой». Именно здесь Майер Ротшильд и открыл свою маленькую фирму. Вскоре в «доме под сковородой» наш герой оборудовал некое подобие лавки денежного менялы, где проезжие купцы могли поменять деньги одних германских княжеств на валюту других. Так

возник первый банк фирмы Ротшильдов – в комнатухе площадью в 4 квадратных метра! Свое богатство Ротшильд начал собирать в буквальном смысле на свалке. Даже в груде старых вещей порой скрываются сокровища, однако надо уметь их найти, а Майер Амшель обладал таким талантом. Он начал собирать вышедшие из обращения монеты, выброшенные медали, эмблемы со старинных рыцарских доспехов и щитов. Почистив и придав своим находкам товарный вид, Ротшильд успешно сбывал их коллекционерам. За многие годы скопилась завидная и довольно ценная коллекция.

В одной из торговых книг за 1778 год Майер Ротшильд уже упоминается как торговец антикварными медалями и монетами. Сначала он сам составлял каталоги таких монет и развозил клиентам. Особенность его монетного бизнеса состояла в том, что собранная из монет коллекция продавалась дороже, чем составляющие ее монеты, которые приобретались по отдельности: добавленная стоимость возникала за счет «упорядоченности» монет. Кроме всего прочего, необычным было и то обстоятельство, что Майер Амшель определял ценность монет не количеством драгоценного металла, а их историческим значением.

Доходы от обмена иностранной валюты шли на расширение торговли старинными монетами. Майер Ротшильд скупил несколько лавок, которые принадлежали попавшим в трудное положение менялам, вместе с запасом монет. С полученным таким путем «торговым запасом» он снова объезжал все маленькие германские княжества и герцогства. Однажды во время вояжа в Веймар ему посчастливилось заключить сделку с покровителем самого Гете – герцогом Карлом Августом.

Многочисленные поездки по маленьким германским княжествам и герцогствам, где Ротшильд сбывал свои старинные редкости увлекающимся аристократам, привели его на прием к еще одному увлеченному коллекционеру принцу Вильгельму Гессенскому – будущему курфюрсту и одному из богатейших людей того времени.

Следует отметить, что в немецких государствах типичной комбинацией того времени были «князь и еврей» (Fürst und Jud), причем в руках последнего находились финансы государства. Так, больше ста лет придворными банкирами императорского двора в Вене были представители дома Оппенгеймеров. «Великий курфюрст» Фридрих Вильгельм пользовался услугами финансистов Гумперца, Фейта, Риса, Аарона и Бронда Вульфа. Его сын Фридрих I поручил финансовые дела Либману, Фридрих Великий – Ефраиму.

В 1764 году наследный принц Вильгельм приступил к самостоятельному правлению графством Ханау. Ландграф был большим любителем, коллекционером и знатоком монет и медалей. В июне 1765 года Ротшильд доставил ему первые монеты, за что получил вознаграждение в 38 гульденов 80 крейцеров. Это был первый «гешефт» Ротшильда с главой иностранного государства. И именно торговля монетами сблизила тогда двадцатилетнего Майера Ротшильда с его будущим покровителем. Ему понадобились десятилетия, чтобы добиться полного расположения и милости ландграфа, так как тот по своей натуре был очень подозрительным человеком, особенно, если речь шла о финансовых делах. Так скромно начинал свою карьеру величайший придворный банкир всех времен.

Спустя несколько лет старший Ротшильд даже отважился ходатайствовать о получении какого-нибудь придворного звания, так как любой титул возвышал еврея-торговца в глазах придворного общества и в обществе единоверцев: «Я имел особую милость делать Вашей Княжеской Светлости различные поставки, которые доставляли Вашей Светлости большое удовольствие. Я приложу все свои силы и возможности, чтобы и дальше всегда быть готовым оказывать Вашей Княжеской Светлости различные услуги. Особенно сильным поощрением было бы для меня, если Ваша Княжеская Светлость благоволила бы пожаловать мне чин придворного фактора [финансовая должность при дворах немецких князей, введенная специально для евреев. – *Здесь и далее прим. авт.*] Вашей Светлости.

Вашу Княжескую Светлость прошу с большей уверенностью еще и потому, что я никоим образом не хочу утруждать Вас. Благодаря чину и имея в виду мое торговое дело, а также и другие обстоятельства, я смог бы составить здесь, в городе Франкфурте, свое счастье».

Майер Ротшильд получил чин придворного фактора. Это была награда за поставки монет и медалей, продолжившиеся до 1806 года. После смерти Майера в 1812 году Амшеля дом Ротшильдов продавал курфюрсту медали дважды, в 1813 и 1814 годах.

После назначения придворным фактором Ротшильд еще активнее принялся за финансовые дела. Наряду с этим торговлю товарами продолжали вести пять его сыновей. Как ландграф Фридрих II, таки наследный принц с 1776 года выдавали из Лондона векселя для найма солдат для Англии. При реализации такого векселя Ротшильд должен был работать в Ганау. В следующем своем заявлении ландграфу он сообщал о том, что «в Ганау он по английским письмам получил более высокую цену с выгодой для господской казны». С 1798 года Ротшильд стал наиболее предпочитаемым поставщиком княжеской казны.

Ему очень помогло то обстоятельство, что у князя не было никаких предубеждений против евреев. Об этом свидетельствует значительное число евреев при дворе в Касселе. К тому же князь был деловым человеком, он и сам мог стать банкиром. Решающее значение для банкирского дома во Франкфурте имело и то, что Ротшильд, наконец, сумел завоевать полное доверие князя, поручившего ему вести все денежные дела. Существование любого банка полностью зависит от того, удастся ли ему привлечь солидных клиентов и удержать их. Ротшильд оказывал своему высокопоставленному клиенту различные услуги: ведение всех дел в свободном городе Франкфурте, привлечение надежных и политически нейтральных банковских связей на ведущем финансовом рынке Лондона.

Расширение деловых связей в конце концов привело к тому, что на стену «дома под сковородой» в 1769 году прибили новую вывеску. На ней уже красовался герб герцогского дома Гессен-Ханау и надпись золотыми буквами внизу: «Майер Ротшильд, управляющий делами герцога Вильгельма, Его Высочества князя Ханау».

Прибыли Ротшильда росли. Сам Вильгельм тоже представлял собой довольно колоритную фигуру. Он доводился внуком английскому королю Георгу II, двоюродным братом Георгу III, шурином королю Швеции и племянником королю Дании. Но не это было самым главным. Куда важнее было другое: он первым из немецких князей, несмотря на свою принадлежность к аристократии, начал предоставлять кредиты под ростовщические проценты, не гнушаясь грубым и наглым стяжательством.

Вскоре должниками Вильгельма оказалось больше половины государей Европы. Кроме того, он научился превращать в золото даже кровь самих гессенцев. Его не знавшие милосердия и пощады унтер-офицеры умели вымуштровывать дисциплинированных и готовых на все наемников. И как только новая рота ландскнехтов заканчивала подготовку, герцог тотчас же продавал ее за большие деньги англичанам – для поддержания порядка в заморских колониях разраставшейся в то время Британской империи. Всякий раз, когда в дальней английской колонии убивали какого-то гессенского наемника, герцог Вильгельм получал за него большую денежную компенсацию. И очень скоро властелин крошечного герцогства сделался богатейшим феодалом в Европе, своего рода банкиром-ростовщиком, кредитором многих князей и королей. Постепенно в этот бизнес включился и Майер Ротшильд. Наряду с другими менялами и банкирами он время от времени получал от герцога Вильгельма поручения – выискать тот или иной иностранный долг (разумеется, за соответствующее вознаграждение).

Разбогатев, семейство Ротшильдов смогло переселиться в новый дом – уже «под зеленой вывеской» – и стало называться не Ротшильдами, а Грюншильдами («грюн» по-немецки – зеленый). Некоторое время Ротшильды даже подумывали, не взять ли это новое прозвище

в качестве фамилии, но потом все же решили оставить старую. Эта фамилия и вошла в историю.

Нельзя сказать, что Ротшильды богатели со сказочной быстротой. На протяжении почти 20 лет Майер Ротшильд платил подоходный налог всего лишь в 2 тысячи флоринов в год. Только в 1795 году придирчивые городские финансовые инспекторы увеличили размер налогов до 15 тысяч. А это, по понятиям франкфуртского гетто, означало самый высокий уровень доходов. В гетто, но не в финансовом мире германских княжеств.

29 августа 1770 года Майер Амшель женился на дочери коммерсанта Вольфа Соломона Шнапера, проживающего недалеко от дома Ротшильда. Род тестя принадлежал к старым еврейским семьям Франкфурта. Приданое невесты составило 2 тысячи 400 флоринов. Гутле Шнапер была простой, скромной и очень хозяйственной женщиной. Она подарила своему супругу десять детей: пятеро сыновей и пять дочерей. Ведение домашнего хозяйства и воспитание детей занимало очень много времени. Всю свою жизнь Гутле Шнапер провела в еврейском квартале, в том самом доме, где их семье суждено было добиться наивысшего процветания.

Между тем сыновья Ротшильда выросли и начали помогать отцу во всех его делах.

Старший сын, Амшель Майер, родился 12 июня 1773 года, 16 ноября 1793 года он женился на Еве Ганау. В документах имена отца и сына – Майер Амшель и Амшель Майер – часто путали. Лишь при ближайшем и более подробном изучении удавалось установить, кто из них имеется в виду. Часто встречается и различное написание Майер и Мейер. Амшель умер 6 декабря 1855 года.

Соломон Майер, второй сын, родился 9 сентября 1774 года. 26 ноября 1800 года он женился на Каролине Штерн, а умер 27 июля 1855 года.

Натан Майер, третий сын, оказавшийся самым талантливым из «пяти франкфуртцев», появился на свет 16 сентября 1777 года. Он был женат на Ганне Коэн из еврейской семьи. Но уже 8 августа 1836 года он скончался.

Четвертый сын, Карл Майер, родился 24 апреля 1788 года, 16 сентября 1818 года женился на Адельхайд Герц. Он умер 10 марта 1855 года. Трое из пяти братьев ушли из жизни в один и тот же год.

Якоб, или Джеймс, самый младший, родился 15 мая 1792 года, 11 июля 1824 года он женился на своей племяннице Бетти Ротшильд. Смерть настигла его 15 ноября 1868 года.

Характерно, что сыновья и дочери Ротшильдов стремились сочетаться браком с представителями известных семей, принадлежащих к верхним кругам еврейской общины. И эта политика, характерная для придворных факторов, способствовала продвижению дома Ротшильда. Дочери вошли в семьи Вормса, Зихеля, Байфуса, Монтефиоре.

Именно сыновья Майера Ротшильда, впоследствии ставшие финансовыми воротилами Германии, Англии, Австрии, Италии и Франции, подготовили настоящий «финансовый взрыв».

Это было время, когда на первый план вышел денежный капитал. Богатства, до тех пор лежавшие втуне, были пущены в оборот, спрос на деньги значительно усилился. В эпоху революционных потрясений одни состояния рушились, другие создавались. Посредники в этом перераспределении наличности – банкирские фирмы – сделались главными ее собирателями, а среди фирм Европы банкирский дом Ротшильдов занял первое место.

Но решающее значение для его продвижения имело завоевание монопольного положения. В этом ему помог военный советник Будерус, назначенный в 1802 году директором главного военного казначейства при дворе Касселя. С этого времени дом Ротшильдов стал быстро опережать всех конкурентов. В 1802 году Ротшильд-старший открыл в Касселе филиал, чтобы постоянно оставаться в тесной связи с двором и дворцовыми чиновниками. По резолюции от 16 сентября 1802 года, т. е. довольно поздно, он был освобожден от уплаты

налогов, которыми облагались все еврейские торговцы. Вызывает удивление тот факт, что придворный фактор Ротшильд должен был так долго ждать льгот, обычно тотчас же предоставляемых придворным финансистам.

С 1801 по 1806 год Ротшильд выпустил пять займов на сумму почти 5 миллионов гульденов. Окрепили его близкие отношения со двором Гессена, причем он поистине с широким размахом пользовался методом, применяемым всеми придворными факторами той эпохи. Чтобы добиться расположения влиятельных придворных и чиновников государственного управления, они часто прибегали к подаркам и взяткам. Ротшильд сумел привлечь гессенских чиновников к сотрудничеству в финансовых делах. Когда Будеруса назначили главным сборщиком податей при земельной казне Ганау, Ротшильд представлял его интересы во Франкфурте. После того как его покровитель стал авторитетным советником ландграфа, Ротшильд постоянно получал выгодные заказы в Касселе.

Добрые отношения со двором в Касселе связывали многих придворных банкиров, например христианские фирмы Рюппеля и Гарнира, братьев Бетманов, Прейе и Йордис, Гебгард и Гаук во Франкфурте. В Касселе располагалась кредитная контора Витгенштейна, в Амстердаме – фирма «Ван Нотен и Голль и К°». Но у них не было таких покровителей, как Будерус. Так, например, влиятельный дом Рюппеля и Гарнира сумел сохранить свое господствующее положение при кассельском дворе лишь до 1803 года, то есть до того времени, когда Будерус стал директором военного казначейства. Чиновники и без этого зарабатывали при каждой сделке, так как им полагался один процент от выданной суммы в качестве побочного дохода.

В 1805–1806 годах Ротшильд уже значительно опередил своих конкурентов. Когда Вильгельм, спасаясь от Наполеона, вынужден был бежать и долгие годы жил в эмиграции, главный придворный агент Ротшильд сумел добиться монопольного положения в финансировании ландграфа, конечно, не без поддержки своего покровителя, ставшего к этому времени уже тайным военным советником, – Будеруса фон Карлсгаузена. Тому удалось превзойти военного советника Лениера, друга Рюппеля и Гарнира, и стать единоличным управляющим делами. Поставив Рюппеля и Гарнира в невыгодное положение, он старался повсюду подчеркнуть бескорыстие дома Ротшильдов.

Ротшильд отправился вместе с Вильгельмом в эмиграцию. В эти годы он верой и правдой служил своему князю и особенно отличился, спасая часть гессенского состояния. Конечно, такие отношения между князем и придворным фактором благотворно влияли и на финансовые дела последнего, так как и в эмиграции Вильгельм IX оставался самым крупным капиталистом среди немецких князей. В 1808 году Ротшильд уже настолько продвинулся, что все излишние и случайные деньги курфюрста регулярно направлялись в банк дома Ротшильда.

Сотрудничество между Ротшильдами и Будерусом вылилось в конце концов в текст документа от 17 февраля 1809 года, который гласил:

«Между тайным военным советником Будерусом фон Карлсгаузенем и Торговым домом "Майер Амшель Ротшильд" во Франкфурте сегодня заключено следующее соглашение.

I. Будерус передал банку "Майер Амшель Ротшильд" капитал в 20 тыс. гульденов 24 флорина-фута и обещал из самых лучших побуждений содействовать Торговому дому во всех торговых делах и по возможности быть ему полезным.

II. В свою очередь, Торговый дом "Майер Амшель Ротшильд" обещает добросовестно отчислять Будерусу прибыль от торговых операций, причитающуюся на вложенный капитал в 20 тыс. гульденов, и разрешает ему в любое время проверку всех книг для большей убедительности в правильности расчетов».

Таким образом Бударус стал вкладчиком дома Ротшильда, поэтому был лично заинтересован в том, чтобы Майер Амшель получил монополию на ведение финансовых дел курфюрста.

Этот договор, единственный в своем роде в истории немецкого института придворных факторов, соответствовал интересам всех его участников. Капитал земельного князя продолжал увеличиваться, незаметный придворный служащий стал богатым человеком, а франкфуртский банкир и коммерсант заложил основу процветания своей фирмы. Было бы не правильно оценивать этот договор с точки зрения современной морали. По представлениям того времени, в обычае преподносить подарки и принимать их не было ничего оскорбительного, и, как можно заключить из сохранившихся мемуаров, так было принято и в XIX веке.

Когда Майер Амшель стал стареть и болеть, в деловых поездках его часто заменяли сыновья. Тайны всех деловых сделок оставались в кругу семьи. Уже в молодые годы оба старших сына были агентами военного казначейства Гессена. Но особым отличием для отца и сыновей считалось назначение Ротшильда императорским фактором при дворе Франца II за заслуги, «в качестве уплаты в рассрочку того, что я ему должен».

Ротшильд не забывал о своих корнях в гетто и своих обязанностях перед еврейской общиной. В отличие от него сыновья перешли границу «старого уклада» и буржуазной умеренности, переехали в большие европейские города – Вену, Лондон, Париж, Неаполь, расширив влияние семьи и действуя в масштабах Европы.

27 сентября 1810 года Майер Амшель основал фирму «Майер Амшель Ротшильд и сыновья», сделав своих пятерых сыновей совладельцами фирмы. В договоре был указан основной капитал в 800 тысяч флоринов, при этом 370 тысяч флоринов должны были принадлежать отцу, сыновьям Амшелю и Соломону – по 185 тысяч, Карлу и еще несовершеннолетнему Джеймсу – по 30 тысяч. Натан, уже много лет проживающий в Лондоне, не был упомянут в договоре по деловым соображениям. На самом деле Майер взял на себя двенадцать пятидесятих частей, причитающихся Натану. Во всех делах решающий голос оставался за Майером Амшелем, так как он «с помощью Всевышнего, благодаря своему усердию, приобретённому еще в молодые годы, проницательности в делах, несмотря на преклонный возраст, продолжает неутомимо трудиться и один заложил основы процветания дела, обеспечив тем самым счастье своих детей».

Далее в договоре следовало определение, согласно которому дочери и зятья не должны добиваться разрешения просматривать книги и другие документы. Для каждого партнера был предусмотрен конвенциональный штраф в случае, если он решит обратиться в суд. Споры между братьями должны разрешаться внутри семьи во имя сохранения единства дома. В договоре были особо отмечены заслуги Майера Амшеля и сказано, что он заложил основы процветания дома. Но сегодня из различных источников хорошо известно, какое активное участие принимал в этом Бударус, во многом помогали и старшие сыновья.

Через два года, когда Майер Амшель почувствовал, что скоро умрет, он созвал весь дом и вместо прежнего составил новое завещание. В нем говорилось, что свою долю в фирме, ценные бумаги и винный склад он за 190 тысяч флоринов продает сыновьям, которые станут самостоятельными владельцами фирмы. Дочери, их мужья и наследники полностью отстранялись от деятельности Торгового дома, а не только от просмотра книг. Из 190 тысяч семьдесят Майер оставил ффрау Гутле, остальные деньги получили пять его дочерей. В конце завещания Майер Амшель советовал своим детям жить в согласии, любви и дружбе. Через два дня после составления завещания, 19 сентября 1812 года, Майер Амшель ушел из жизни. Вряд ли он подозревал, что заложил основу «власти мира».

Об основателе банкирского дома нет точных сведений, нет его портрета. В возрасте 25 лет Майера Амшеля изображали высоким стройным мужчиной ярко выраженного израильского типа с добродушным выражением лица. По обычаям того времени он носил парик, но,

будучи евреем, не смел его пудрить. Как и у предков, у него была маленькая черная острая бородка. Несмотря на свое богатство, он не покинул гетто, оставался незаметным, терпеливым, не очень образованным евреем. Он даже плохо владел немецким языком.

В популярной литературе можно прочитать, что сыновья Майера Амшеля начинали свою деятельность будучи уже миллионерами, а внуки даже были миллиардерами, но все это сильно преувеличено. Миллионами поначалу не обладал никто из сыновей, включая и Натана, жившего в Лондоне. У них, конечно, был солидный капитал, но миллионы, которые появились уже в конце жизни, они заработали сами. Миллиардерами стали последующие поколения Ротшильдов, уже в XX веке.

Тайна успеха сыновей Майера Амшеля кроется прежде всего в строгом следовании основным принципам, которые постоянно внушал им отец.

Дипломат, публицист и задушевный друг князя Меттерниха, Фридрих фон Генц, до конца своей жизни поддерживающий дружеские отношения со всеми Ротшильдами, пытался проникнуть в тайну их успеха и пришел при этом к следующим выводам:

«Вопрос о том, как дом Ротшильдов смог за такое короткое время осуществить все, чего они в действительности достигли, без сомнения, интересовал меркантильные и политические умы. По всей видимости, на него не так трудно ответить, как это обычно думают. Кто, не останавливаясь на случайностях, способен понять, что успех во всех больших начинаниях зависит не только от выбора и использования благоприятного момента, а в большей степени еще и от строгого соблюдения однажды усвоенных главных принципов, тому сразу станет ясно, что было два основных положения, которые этот дом никогда не упускал из виду. Наряду с мудрым ведением дел и использованием выгодной конъюнктуры именно им они, главным образом, обязаны своим сегодняшним процветанием».

Первое из этих основных положений побуждало братьев всегда вести дела в постоянном содружестве. Это был завет, оставленный умирающим отцом. И даже когда над ними всходила счастливая звезда, они были полны решимости никогда не нарушать этого правила.

После смерти отца любое предложение, с какой бы стороны оно ни исходило, было предметом совместного обсуждения, любую даже самую незначительную операцию они проводили по заранее обговоренному плану, прилагая общие усилия. Прибыль всегда делили поровну.

В течение многих лет они жили далеко друг от друга: Франкфурт, Вена, Лондон, Париж, Неаполь. Но это обстоятельство не мешало их полному взаимопониманию. Даже наоборот, из этого они извлекали определенную пользу, так как всегда были информированы о положении дел в различных столицах. И каждый в своем городе мог более целесообразно подготовить дела, которые следовало осуществить всей фирмой.

Второе основное положение, которое они никогда не выпускали из поля зрения, заключалось в том, чтобы никогда не гнаться за непомерно высокой прибылью, любую операцию держать в определенных рамках и, насколько позволяют человеческая предусмотрительность и мудрость, оградить себя от случайностей. В этом основном правиле: *Servare modum finemque tenere* – знать меру и никогда не терять цель из виду – заключается один из главных секретов их силы.

Немалое влияние на успех их предприятия оказали и личные моральные качества пяти братьев. Совсем не трудно создать многочисленную партию, если своим делом сумеешь заинтересовать других. Но чтобы объединить голоса всех партий и добиться их уважения, нужны не только материальные средства, но и определенные черты характера, которые не зависят от власти и богатства. Благодаря справедливости своих требований, пунктуальности действий, простоте и ясности изложения предложений и четкому их исполнению они неизменно пользовались доверием многих правительств и знатных семей Европы, что является

одним из решающих факторов процветания любого банка. Сотрудничество и взаимная поддержка братьев были почти легендарными.

В XIX веке пятеро братьев выпускали государственные займы почти для всех стран, что дало дому Ротшильдов возможность превратиться в абсолютную финансовую монархию. О пяти финансистах Берне писал: «Устойчивое равновесие в Европе поддерживалось евреями. Сегодня они дают деньги одной власти, завтра – другой, всем по очереди и заботятся таким образом о всеобщем мире». Мы увидим далее, что внук придворного фактора Берне очень метко охарактеризовал положение Ротшильдов того времени.

Неоднократно возникал вопрос, почему у дома Ротшильдов не было своих филиалов в Берлине и Петербурге. В Берлине утвердились банки евреев Мендельсона и Блайхредера, не считая многочисленных мелких банков. Именно банк Блайхредера установил тесные отношения с прусским государством, с Гогенцоллернами и с князем Бисмарком. Поэтому Ротшильды решили сотрудничать с банком Блайхредера, сделав его своим представителем в Пруссии. Ведущей финансовой силой Петербурга был дом Штиглица. Когда Ротшильды попытались обосноваться там, барон Штиглиц, лично обратившись к царю, помешал открытию филиала «еврея» Ротшильда.

Без ущерба для тесных и доверительных взаимоотношений друг с другом каждый из братьев умел в своей более узкой сфере поддерживать превосходные отношения с компетентными и влиятельными членами правительства. До сих пор поражает их информационная служба, всегда вовремя оповещавшая обо всех политических и финансовых намерениях. Если братья намеревались получить крупный и прежде всего долгосрочный государственный заем или добиться монопольного положения в какой-либо определенной экономической области, то не боялись огромными взятками привлечь на свою сторону министров, партии и даже парламенты. Джеймс, работавший во Франции, пользовался этой системой с особым размахом.

Но в XIX веке пятеро братьев занимались не только финансовыми делами, не только «загребали» деньги ради денег, как говорили о них. Как и дом Оппенгейма в Кельне, они раньше других предугадали рентабельные возможности промышленной революции. В Англии, Франции, Германии и Австрии братья развили широкую экономическую деятельность, вложили свое состояние в крупные промышленные предприятия и в земельную собственность. Они считались самыми крупными землевладельцами в своих странах.

Постоянному единству пяти братьев не могло помешать и то обстоятельство, что различные политические течения последующих десятилетий оказали влияние на их убеждения. Англия и Франция, так называемые западные державы, проводили либеральную политику, поэтому и предпринимательская деятельность братьев Натана и Джеймса по отношению к правительству была более свободной, раскованной. Амшель во Франкфурте и Соломон в Вене, как и их приемники, оставались тесно связанными с правящими династиями, были настроены консервативно и поддерживали более близкие отношения с аристократическими кругами своих стран. Карл Майер в Неаполе, будучи евреем-финансистом, имел даже связи с Ватиканом и за предоставленные займы был награжден высшими орденами папства. Именно консервативная держава Австрия возвела братьев Ротшильдов в дворянство и впоследствии каждому присвоила звание имперского барона.

Ротшильд настойчиво добивался для себя и своих сыновей титула императорского придворного фактора. 28 августа 1799 года Майер Амшель из Франкфурта направил в Вену просьбу, указывая в ней, что во время войны против Франции он осуществлял значительные поставки, и упоминая другие свои заслуги. В ответ на нее Майер Амшель Ротшильд и его сыновья, Амшель Майер и Соломон Майер, получили патент императорских придворных факторов от 7 марта, 8 марта и 4 мая 1800 года. Каждому был выдан отдельный патент, что

вызывает удивление, поскольку отец и сыновья должны были получить этот титул в одном документе.

Когда милостью Наполеона было образовано Великое герцогство Франкфурт, Ротшильды стали финансистами нового князя Дальберга. За финансовую поддержку контингента войск Франкфурта, сражавшегося на стороне Франции в Испании в 1810 году, Мейер Амшель был назначен советником департамента.

Амшель Майер Ротшильд был также действительным придворным фактором князя Карла Фридриха Людвиг Морица фон Изенбург-Бюдингена с 15 июля 1803 года, а 29 декабря этого же года он стал придворным фактором магистра ордена иоаннитов, 4 января 1804 года был назначен к князю Турн и Таксис.

Насколько сильно Ротшильды стремились стать придворными банкирами, свидетельствует их положение в доме князя Изенбург-Бирштейна, где главным финансистом был советник казначейства Вольф Брайденбах. Ротшильд работал вместе с ним. Его сын Амшель 29 августа 1803 года стал придворным фактором в Изенбург-Бирштейне. В качестве вознаграждения он должен был довольствоваться бесплатной доставкой дров на его квартиру во Франкфурте. 7 ноября 1803 года князь отдал распоряжение доставлять дрова вновь назначенному придворному фактору в течение всего года. Ротшильд же, в свою очередь, предоставил обремененному долгами дому Бирштейна ссуду в 50 тысяч гульденов. Для маленькой страны это была очень большая сумма. В этом деле Брайденбах был посредником. Он и выплатил причитающиеся проценты своему франкфуртскому коллеге. И в последующие годы Ротшильд и сыновья работали при дворе Изенбург-Бирштейна.

В 1815 году, будучи посредниками у лорда Веллингтона и лорда Кастлрафа, Ротшильды добивались в Париже и Лондоне субсидий для Бирштейна, чтобы таким образом оказаться поближе к их деньгам. Но здесь посредничество Брайденбаха и Ротшильда оказалось безуспешным. Сам факт, что в 1803 году Ротшильды, имея к тому времени приличное состояние, довольствовались доставкой дров в качестве вознаграждения, свидетельствует в первую очередь о стремлении показать всему миру, что они находятся на княжеской службе.

В декабре 1812 года Майер Амшель Ротшильд и его сыновья стали придворными банкирами Великого герцога Франкфуртского.

Из недавно обнаруженных документов государственного архива Вюрцбурга следует, что, согласно распоряжению князя Ашафенбурга от 16 декабря 1813 года, придворным банкирам Великого герцога Франкфуртского в качестве годового вознаграждения было выдано 1 января 1813 года: 72 центнера сена, 72 мальтера овса, 10 возов соломы, 30 сажень дров. Эта оплата натурой была пожалована Ротшильду и его сыновьям пожизненно за службу на благо Великому герцогству. В 1813 году им также прислали продукты из винного погребка Ашафенбурга.

Позже, когда в ходе политических изменений княжество Ашафенбург было присоединено к короне Баварии, Ротшильды попросили сохранить за ними эту оплату, ссылаясь на то, что они самоотверженно служили Франкфурту, а следовательно, и Ашафенбургу, с готовностью предоставляя значительные ссуды: «В то время, когда казна оказывалась полностью опустошенной и государство испытывало большие затруднения, никто не решился предложить такую ссуду. Никаких денег до сих пор не поступило, поэтому подобную оплату натурой можно было бы рассматривать как причитающееся нам возмещение убытков, которые мы понесли, отдав займы солидный капитал».

Из прилагаемых далее документов следует, что в 1813 году дом Ротшильда предложил князю Дальбергу ссуду в 200 тысяч флоринов для покрытия расходов по денежному довольствию армии. Великий герцог принял эти деньги и в знак благодарности велел кроме дров поставлять еще и корм для лошадей. Все старания Ротшильдов и далее получать оплату натурой, но теперь уже от Баварии как наследницы Ашафенбурга, не увенчались успехом.

В последующих документах слово «пожизненно» не встречается. Переговоры закончились актом от 1817 года. Считалось, что в это время Ротшильды уже владели миллионами, а их прошения свидетельствуют о том, что они придавали большое значение государственному жалованью.

Сотрудничество Дальберга и Ротшильда в первую очередь пошло на пользу франкфуртским единоверцам. Как и все придворные факторы, Майер Амшель своим влиянием старался облегчить судьбу иудеев. При этом Ротшильды действовали вместе с Якобом Барухом, сыном известного кельнского придворного финансиста Симона Баруха и отцом Людвига Берне. Майер Амшель снискал себе расположение Дальберга, предложив ему займы под 5 % 80 тысяч гульденов для поездки в Париж, где Великий герцог Франкфурта собирался присягнуть на верность новому королю Рима. Из чувства неприязни к Наполеону коммерческий мир Франкфурта отказал ему в этой сумме. «Благодаря этой услуге он добился полного доверия Великого герцога и сумел так воспользоваться этой милостью, что с тех пор герцог ни в чем не отказывал Ротшильдам», – так было написано в одном из сообщений французов.

Ротшильды хорошо ладили и с господином фон Итцштайном, начальником полиции Великого герцогства. Итцштайн был покровителем Майера Амшеля и всех евреев Франкфурта. Хотя Дальберг и издал новый указ с некоторыми льготами для 500 семей Франкфурта, это не удовлетворяющее евреев решение было отклонено влиятельным тайным советником Израелем Якобсоном, страстным борцом за эмансипацию евреев.

Майеру Амшелю и его единоверцу Гумпрехту удалось уговорить Дальберга освободить евреев от ежегодной уплаты налога в 22 тысячи флоринов и дать им гражданские права, чтобы уравнивать их с христианами. В качестве платы за это Дальберг потребовал единовременный взнос в двадцатикратном размере. Майер Амшель дал своим единоверцам 100 тысяч флоринов, почти четверть суммы. Кроме этого он добился, чтобы из этих 440 тысяч флоринов наличными было выплачено 150, а остальные – 24 облигациями «au porteur» (на предъявителя). Этой сделкой остался недоволен сенат, враждебно настроенный по отношению к евреям. Аристократическая верхушка города считала, что Дальберг получил «подарок». Один из агентов австрийской полиции якобы заявлял, что Великий герцог получил за эмансипацию 33 тысячи каролинок. Дальберг так обрадовался «искусно завершённому дельцу», что одарил министров, заключавших сделку, и их жен по 40 тысяч франков каждого. Тайный советник Итцштайн получил 10 тысяч франков, дом Ротшильда – такую же сумму «за доброе содействие». 50 тысяч Дальберг оставил «в руках дома Ротшильда, в качестве уплаты в рассрочку того, что я ему должен».

Из пяти братьев блестящим даром финансиста обладал третий, Натан. Он больше всех способствовал процветанию и повышению авторитета дома Ротшильдов. Благодаря служебному рвению, проявленному во время наполеоновских войн, он сумел приобрести полное доверие английских политических деятелей и пользовался им на протяжении всех пятидесяти лет своей деятельности. Как его отец Майер Амшель полвека верой и правдой служил гессенскому курфюрсту, так и Натан в Лондоне постоянно сотрудничал с Джоном Чарлзом Гаррисом, который вначале был личным секретарем английского канцлера казначейства, потом начальником по снабжению союзников и британских войск, сражавшихся на континенте, а в конце концов и канцлером казначейства.

В 1798 году Натан переехал в Англию, где, будучи агентом своего отца, скупал в Манчестере изделия фабрик, став, таким образом, коммерсантом, полезным для дома Ротшильдов. Позже Натан рассказывал одному из гостей о своих начинаниях:

«Во Франкфурте было слишком мало места для всех нас. Я вел дела с английскими товарами. Как-то приехал один англичанин, полностью владевший рынком. Он строил из себя великого человека и вел себя так, как будто оказывал нам милость, продавая нам свои

товары. Я как-то обидел его, и он отказался показывать мне свои образцы. Это случилось во вторник. Тогда я сказал отцу: "Я сам поеду в Англию!" Я говорил только по-немецки, но это ничего для меня не значило. В четверг я уже уехал. Чем ближе была Англия, тем дешевле становились английские товары. Прибыв в Манчестер, я истратил все свои наличные на покупки. Все было очень дешево, и я получил большую прибыль. Вскоре я понял, что из этого предприятия можно извлечь тройную пользу: заработать на сырье, окраске и на собственном изготовлении. Фабриканту я сказал: "Я поставлю тебе сырье и краску, а ты мне – готовый товар". Таким образом, я получил тройную прибыль и стал продавать дешевле других».

За короткое время Натан Ротшильд получил с 20 тысяч фунтов стерлингов 60 тысяч фунтов, двойную прибыль. Для достижения успеха он использовал только один принцип: «Что могут другие, то и я смогу». «Так я достиг уровня того англичанина с образцами и многих других. У меня было еще одно преимущество: коммерсантом я стал экспромтом, без всякой подготовки. Я все брал с собой и на месте заключал договор», – вспоминал он позже.

В 1803 году Натан переехал в Лондон, а в 1803 или 1804 году основал там по сей день существующий банк «Натан Майер Ротшильд и сыновья». В 1812 году Джеймс создал в Париже фирму «De Rothschild Freres» («Братья Ротшильды»). В 1816-м Соломон открыл в Вене банкирский дом «С. М. фон Ротшильд», в 1820-м Карл Майер фон Ротшильд стал главой филиала в Неаполе. Родовой дом во Франкфурте вел Амшель Майер фон Ротшильд. Эти пять братьев Ротшильдов, как их называли «пять франкфуртцев» руководили всеми банками как единым совместным предприятием. Их содружество, прежде всего, уменьшало риск, возможный при крупных государственных займах. Так называемые пул-договоры ^[1] обеспечивали общность интересов. Каждые три-пять лет братья встречались на собрании общества. Эти «пять пальцев одной руки» сумели до конца XVIII века пользоваться определенной международной привилегией на эмиссию крупных государственных займов.

Самые крупные финансовые операции проводились в период между восхождением Наполеона I и свержением Наполеона III. До самой своей смерти Натан, живущий в Лондоне, был основной движущей и направляющей силой всех этих операций. Его успех в Англии тесно связан с курфюрстом Гессена, который в 1809 году установил связь с Натаном через Бударуса. В феврале 1809 года Натан получил заказ скупить трехпроцентный английский аннуитет ^[2] по курсу 73,5 % на 150 тысяч фунтов стерлингов. Так как фунт равнялся 11 флоринам, Бударус должен был выплатить Ротшильду 1 миллион 212 тысяч 750 флоринов.

В декабре курфюрст решил приобрести капитал в английских акциях на сумму 150 тысяч фунтов на тех же условиях. Курфюрст был доволен, что сумел надежно вложить свои излишки, составлявшие ежегодно по меньшей мере 750 тысяч флоринов. В сентябре 1810 года последовал новый договор на приобретение английских акций на 150 тысяч фунтов по курсу 74 %. Когда Ротшильд снизил цены до 73 %, капитал повысился до 250 тысяч фунтов. Таким образом, в 1809–1810 годах Натану Ротшильду поручили скупить трехпроцентный аннуитет на 550 тысяч фунтов. Покупная цена курфюрста составила 3 миллиона 240 тысяч 875 флоринов. Эта сделка была самой выгодной из всех дел, которые вел банкирский дом Ротшильдов с курфюрстом, что способствовало быстрому продвижению филиала в Лондоне.

Приобретение аннуитетов было проведено так, что фирма «Ротшильд и сыновья» могла использовать деньги курфюрста для краткосрочных выгодных дел перед их окончательным вложением.

В эти же годы Натан в Лондоне, а Джеймс во Франции проводили крупные дела по закупке и посредничеству в обмене золота для союзников против Наполеона, поэтому справедливо будет предположить, что финансовые операции осуществлялись на миллионы курфюрста. Натан Ротшильд был вынужден служить английскому финансовому управлению. С

1808 по 1816 год союзникам на континенте из Англии были переведены многие миллионы. Только за один год эта сумма составила 11 миллионов фунтов стерлингов.

Британское правительство поручило банкирскому дому перевод денег для английской армии в Испании. Деньги нужно было контрабандой переправить через Францию. Здесь Джеймс Ротшильд проявил все свое искусство банкира. Он сумел ввести в заблуждение французские власти, представив перевод денег англичанами как проявление их слабости. Наполеон и французские ведомства даже и не пытались вникнуть в истинную суть дела. Эта акция во многом способствовала поражению Наполеона, чем Натан по праву гордился: «Когда я открыл торговлю в Лондоне, компания из Восточной Индии продала золото на 800 тысяч фунтов стерлингов. Я скупил все, так как знал, что золото нужно герцогу Веллингтону. Я по низкой цене приобрел большое количество его векселей. Меня вызвали в правительство и заявили, что это золото им нужно, но они не знали, как его можно доставить через Португалию в Испанию. Я взялся за это дело и переправил деньги через Францию. Это было самое удачное из всех моих предприятий».

Это действительно было одно из самых смелых дел Ротшильдов. Натан и Джеймс так удачно провели трансферт через Францию, что с тех пор английское правительство стало доверять Натану самые крупные финансовые операции. Так, например, по поручению правительства он купил в Париже вексель на 200 тысяч фунтов, что было необходимо для финансирования возвращения Людовика XVIII на французский трон.

После свержения Наполеона с престола аппарат Ротшильдов осуществил трансферт в 120 миллионов фунтов французской репарации из Парижа в Лондон, Вену и Берлин. Капиталов банков Ротшильдов было достаточно, чтобы предлагать такие миллионные суммы. Ни одна банковская фирма континента не могла провести подобную финансовую операцию, не говоря уже о крупных займах.

В 1904 году, в год юбилея Лондонской фирмы, был опубликован каталог займов с 1804 по 1904 год. Насколько он был полным, осталось не выясненным, как и то, были ли это займы всех пяти домов, но предполагают, что у Ротшильдов были дела, о которых их потомки так и не узнали. Но даже в этих займах прекрасно отражается политика XIX века. Приведенные данные полностью опровергают утверждение о том, что Ротшильды не занимались политикой и их интересовали только деньги. Известно, что заемная политика дома Ротшильдов во время кризисов 1830 и 1840 годов предотвратила войну в Европе, а в 1866-м они не дали денег ни Пруссии, ни Австрии. Их финансовые операции после 1815 года были далеки от всяких войн. Но полностью прекратить кровавые боины в мире было не под силу даже финансовому могуществу дома Ротшильдов.

Предложив в 1824 году заем Бразилии, Ротшильды вышли за пределы Европы. До конца XIX века Бразильская империя оставалась в финансовом отношении доменом Ротшильдов.

Заем, предоставленный Греции в 1832 году под гарантии Англии, Франции и России, дал Афинам возможность образовать независимую монархию.

Как известно, французскую репарацию Германии в 1870–1871 годах ускорили с французской стороны Ротшильд, а с немецкой – Герсон Блайхредер, доверенное лицо Бисмарка. Получение этих 5 миллиардов франков было большим достижением «Н. М. Ротшильда и сыновей» совместно с банкирским домом Баринга Бротерса, где вначале были собраны два миллиарда, затем в 1872 году еще три миллиарда франков. Банкиры и финансисты, во главе с фирмой «Н. М. Ротшильд и сыновья», гарантировали стабильность обменного курса. Эта крупная акция в пять миллиардов, проведенная совместно с бароном Альфонсом фон Ротшильдом из Парижа, стала возможной лишь потому, что семья Ротшильдов и их друзья мобилизовали все свои источники и всю свою энергию.

Еще одной значительной политической операцией считается приобретение 49,3 % основного капитала акций Суэцкого канала. Для этого английскому правительству понадобилось почти 80 миллионов. Нужно было действовать очень быстро. Ротшильд представил деньги тотчас же. Нет ничего удивительного в том, что премьер-министр Дизраэли воскликнул: «Ротшильды не могут быть лишними».

Когда Англия отменила рабство, Натан предоставил заем в 15 миллионов фунтов, чтобы возместить убытки рабовладельцам.

Что Ротшильды ставили на карту во время военных потрясений, можно понять из письма Джеймса своему брату Соломону в 1830 году: «У нас еще на 18 миллионов франков номинальной французской ренты. Если сохранится мир, получим 75 %, а если разразится война, то 45 %... Поверь мне, по моему мнению, сейчас многое зависит от князя [Меттерниха]; если он захочет мира... то будет мир».

У Натана было четыре сына и три дочери. Еще при жизни он завещал своим детям около 800 тысяч фунтов. Кроме того, каждый из его сыновей унаследовал еще 120–150 тысяч фунтов, помимо торгового капитала. Натан скончался 8 августа 1836 года. Помпезные похороны в Лондоне продемонстрировали, какую власть и силу приобрел Ротшильд в Англии. За гробом шли послы великих держав, лорд-мэр, шерифы, члены муниципалитета, на ногах был весь Лондон. Руководство общим домом теперь перешло к Джеймсу в Париже. Главой фирмы в Лондоне стал сын Натана Лионель. Когда в 1858 году его в четвертый раз избрали в палату общин парламента, дружба с консерватором Дизраэли дала ему возможность провести в Англии полную эмансипацию евреев.

Джеймс Ротшильд в самом начале своей деятельности был только агентом брата Натана в Париже. После свержения Наполеона он постепенно начал вникать в финансовые дела родового банка и принимать участие в крупных государственных займах и делах бирж и промышленных предприятий. Будучи противником Наполеона, он быстро установил добрые отношения с возвратившимися Бурбонами. Когда в результате июльской революции Бурбоны были свергнуты, парижскому банкирскому дому удалось войти в контакт с буржуазным королем Луи Филиппом из дома Орлеанской линии.

Он поддерживал постоянные связи с ведущими министрами, поэтому всегда был в курсе их планов. Часто случалось так, что тексты их речей в парламенте были ему известны еще до того, как их произносили. Он, как никто другой, мог выбрать нужное время и нужное место для вручения подарка (*Douceurs*). Этим же методом Джеймс Ротшильд привлек на свою сторону и прессу. Хотя Ротшильды не основали ни одной газеты, они оказывали значительное влияние на политическую направленность прессы. Используя различные *Douceurs*, Джеймс смог привлечь на свою сторону и видных публицистов. Известный поэт Генрих Гейне был частым гостем в доме Джеймса Ротшильда. Гейне часто зарабатывал на биржевых сделках Джеймса, а «подарки» принимал без лишней скромности. На праздниках и торжествах Джеймс охотно окружал себя учеными и артистами. Он хотел слыть не только «королем Ротшильдом I», но и меценатом.

Первые финансовые акции, в которых Джеймс принимал участие, касались превращения прежних пятипроцентных государственных займов в трехпроцентные. Из других государственных займов особенно следует указать на займы папе, где Джеймс, пользуясь случаем, вкладывал деньги своих единоверцев в теократическом государстве. О том, какие прибыли получал Джеймс от спекуляций на бирже, в своих письмах рассказывал дипломат Курт фон Шлецер. 23 мая 1864 года барон Александр фон Штиглиц, директор Русского государственного банка, потомок придворного финансиста из Арользена, посетил своего коллегу Джеймса Ротшильда, который поведал ему, что неожиданно выиграл на бирже сразу 24 миллиона. Обратившись к Штиглицу, он признался, что ничего подобного на бирже еще не случалось.

За четверть века Джеймс стал вторым самым богатым человеком, только состояние короля было больше. Гейне несколько озлобленно описывает положение Джеймса в середине XIX века: «Мне приходилось видеть людей, которые, приближаясь к великому барону, вздрагивали, как будто касались вольтова столба. Уже перед дверью его кабинета многих охватывает священный трепет благоговения, какое испытывал Моисей на горе Хорив, когда он заметил, что стоит на священной земле. Точно так же, как и Моисей снимал свою обувь, так и какой-либо маклер или агент по обмену, отважившись переступить порог личного кабинета господина Ротшильда, прежде всего стягивал с себя сапоги, если не боялся при этом, что его ноги будут пахнуть еще хуже и этот запах стеснит господина барона. Личный кабинет Джеймса и на самом деле представляется удивительным местом, вызывающим возвышенные мысли и чувства, как вид океана или неба, усеянного звездами: здесь можно почувствовать, как ничтожен человек и как велик Бог! А деньги – это Бог в наше время, и Ротшильд – его пророк».

Натан обратил внимание братьев на то, насколько выгодным может оказаться строительство железных дорог. Он посоветовал им принять в этом участие, и Ротшильды действительно внесли свой вклад в строительство сети железных дорог во Франции, Бельгии и Австрии.

Чтобы получить привилегию на строительство Северной дороги во Франции, Джеймс не жалел никаких средств. Когда железнодорожное общество выпустило 400 тысяч акций по 500 франков, были подкуплены парламент и пресса. Члены обеих законодательных палат получили 15 тысяч акций на 4,5 миллиона в качестве *Douceurs*. Таким же образом заставили замолчать и прессу. Редакторы отдельных газет получили в подарок по 70, 100 и 150 акций, в зависимости от значимости издания. Все газеты молчали, только «Националь» составила исключение. Ее редактор, которому Ротшильд послал сто акций, отклонил подарок и не поддерживал проект Ротшильда на строительство железной дороги. Но барон Ротшильд все-таки получил желанную концессию.

Здесь было бы уместным привести замечание австрийского государственного канцлера Меттерниха, который в одном из доверительных писем послу в Париже отметил финансовую мощь Ротшильда во Франции следующими словами: «Банкирский дом Ротшильда играет во Франции гораздо большую роль, чем правительство какого-либо иностранного государства, может быть, за исключением Англии. Для этого есть свои объективные причины, которые с моральной стороны, конечно, не могут быть оправданы: основной движущей силой во Франции являются деньги. Совершенно открыто признают коррупцию, этот практически поистине самый значительный элемент современной системы представительства».

Хотя Ротшильды и вложили крупный капитал в европейские железные дороги, но основную прибыль они получили благодаря успешным спекулятивным сделкам с акциями. Джеймс, например, заработал на ценных бумагах железной дороги более сорока миллионов франков, так как курс акций из-за соответствующего влияния за короткий срок поднялся на девятьсот франков. Если курс поднимался до определенной отметки, Ротшильд продавал акции. Таким образом он мог возместить неизбежные убытки. Так в 1856 году на много миллионов «прогорел» казначей Северной дороги.

Когда к власти пришел Наполеон III, Ротшильд был отдален от трона. Новый император не забыл, как его дядю свергли при помощи миллионов дома «пяти франкфуртцев». Но Джеймс обрел поддержку императрицы Евгении, поскольку он, в отличие от других финансистов, с самого начала поддерживал брак Наполеона с испанской графиней Монтийо. Но отношения с Наполеоном оставались довольно прохладными, даже несмотря на визит, который император нанес Джеймсу. Напротив, Наполеон III старался отдалить дом Ротшильдов, предоставив более благоприятный кредит братьям Перейре и всячески поддерживая их банк.

Но Ротшильдам всегда удавалось одолеть любых конкурентов, не стали исключением и братья Перейре.

Советником Наполеона III по финансам стал Фулд, совладелец банкирского дома «Оппенгейм и Фулд». Врагом Ротшильда был и герцог фон Мори, сводный брат императора. Но тем не менее Джеймсу удалось добиться признания, хотя и рискованными средствами. В Испании были взяты в аренду копи по добыче ртути в Альмадене. Когда министр финансов стал чинить препятствия, его подкупили Douceurs в 1,6 миллиона франков. Это был самый большой «подарок», который Ротшильд когда-либо делал, тем более, что еще 500 тысяч франков перешло в шкатулку королевы. За это братья добились монополии на добычу ртути в Европе. Эксплуатация месторождений ртути в течение тридцати лет принесла им огромные прибыли. Испании они гарантировали 2,32 миллиона фунтов пятипроцентных ипотечных документов на ртуть.

Что Джеймс думал о Наполеоне III и его режиме, можно понять из его высказывания: «L'empire, c'est la baisse»¹, которое он, изменив известное изречение, сформулировал так: «L'empire, c'est la paix»². Окончательного падения – «baisse» – Наполеона ему уже не суждено было увидеть. 15 ноября 1868 года Джеймс скончался и был похоронен в семейном склепе в Париже. От брака с племянницей Бетти, дочери брата из Вены, которая была на 13 лет младше его, родилось шестеро детей, которые по традиции тоже выбирали спутников жизни среди членов своей же семьи.

Джеймс начал свою деятельность в княжеских домах и достиг славы ведущего банкира. Его клиентами были монархи Европы, состояние которых Ротшильды значительно увеличили. Когда в 1865 году умер первый бельгийский король Леопольд, пять миллионов франков его личного состояния, доверенных в 1848 году дому Ротшильдов, увеличились до двадцати миллионов. Когда умер Джеймс, «Кельнише Цайтунг» сообщила, что франкфуртец прибыл в Париж с одним миллионом франков, а оставил состояние в два миллиарда. Это, конечно, сильно преувеличено, так как такое огромное состояние появилось у Ротшильдов лишь в XX веке.

Краткой, но довольно успешной оказалась история неаполитанской линии дома Ротшильдов, основанная Карлом Майером. Он был королевским тайным коммерческим советником Пруссии, тайным финансовым советником курфюрста и Великого герцога Гессена, генеральным консулом Королевства Сицилия и герцогства Парма. При поддержке Джеймса в Париже и Соломона в Вене он стал банкиром пап, Королевства Сицилия, итальянских князей и премьер-министра Сардинии Кавоура.

Среди пяти братьев Карл Майер Ротшильд считался наименее способным финансистом. Он был тяжелым на подъем, очень строгим в своих ортодоксально-еврейских правилах. Но, что особенно важно, Карл не умел быстро приспосабливаться к той обстановке, в которую попадал. Он постоянно находился под влиянием Соломона и Джеймса, заинтересованных в финансовых операциях в Италии. Но финансовую политику Карла постоянно поддерживал Меттерних, оказывающий значительное влияние на политику Италии. На всех приемах на помощь Карлу Ротшильду приходила его великолепная и остроумная супруга Адельхайд. Она умела завоевать симпатию окружающих и использовать ее, как и все Ротшильды, на пользу своим единоверцам.

Для Карла Майера Италия была благоприятным местом проведения коммерческих операций, так как здесь он имел дело не с крупными государствами и могущественными правительствами, как его братья Натан, Джеймс и Соломон, а со многими мелкими государствами, в резиденциях правителей которых Карл Майер мог чувствовать себя более уверенно. Кроме

¹ «Империя – это падение» (франц.).

² «Империя – это мир» (франц.).

того, четвертый сын старого Майера Амшеля оказывал ценные услуги неаполитанскому правительству еще до того, как в 1824 году окончательно поселился в Неаполе. Он помог провести финансовое отделение Неаполя от Сицилии, предоставив королю заем на 4,5 миллиона дукатов. За ним последовали 16 миллионов, а позже были выданы 20 миллионов при условии, что его друг де Медичи, сосланный во Флоренцию, сможет вернуться назад. Под следующий заем Карл добился для своего друга Медичи должности министра финансов, чтобы иметь в правительстве свое доверенное лицо и умелого человека.

В Англии, то есть с помощью Натана, Карл Майер получил для Неаполя кредит в 2,5 миллиона фунтов, 50 миллионов марок – огромную сумму для такого государства, как Неаполь. Но Медичи постоянно следил за тем, чтобы финансовые дела королевства были в полном порядке.

Затем последовали займы Парме, Тоскане, Лукке и Сардинии, где дом Ротшильдов натолкнулся на острую конкуренцию шести парижских банкирских домов, которые сделали все, чтобы сломить почти неограниченную финансовую мощь Ротшильдов. Надо сказать, что им удалось заполучить первую французскую ссуду, проведенную по плану парижской городской лотереи. Но Ротшильды отомстили соперникам, побеспокоившись о том, чтобы парижские билеты, а вместе с ними и ценные бумаги Сардинии упали в цене. В результате все шесть парижских конкурентов стали осторожнее, и у них пропало желание бороться с Ротшильдами. В следующих займах для Сардинии принимал участие и дом Ротшильдов. В 1850 году он предоставил заем в 80 миллионов, а в 1853-м – заем в 67 миллионов франков.

Неважно шли финансовые дела и у папского государства, вновь созданного на Венском конгрессе. Дом Ротшильдов помог и им. Первый заем он разделил с известным банкирским домом Торлония. Когда Ротшильды решили превратить 5 %-ный заем в 3 %-ный, папский казначей кардинал Тости попытался отстранить их и иметь дело с парижскими банками. Но Ротшильды сумели помешать этому. Они указали на одно из условий в первом договоре, согласно которому никакие изменения не могут быть проведены без участия дома Ротшильдов. Об этом условии кардинал Тости не имел никакого представления. Но Карл Майер был достаточно умен, чтобы поделиться с парижским консорциумом.

10 января 1832 года папа Григорий XVI дал аудиенцию барону Карлу Майеру фон Ротшильда и наградил своего еврея-финансиста орденом Спасителя. В 1837-м папа получил новый заем, предоставленный Джеймсом. В 1850 году папа Пий IX получил от Ротшильдов 50 миллионов франков под 5 %, чтобы иметь возможность вновь вернуться в Рим, откуда он бежал после революции 1848 года. Таким образом Ротшильды помогли папе вернуться в Ватикан. Гарантии займов они использовали для облегчения положения своих единоверцев в римском гетто. В 1846 году Пий IX освободил евреев от обязанности раз в неделю присутствовать на христианской проповеди. В судьбе евреев принимала участие и супруга Карла Майера, баронесса Адельхайд, урожденная Герц, которая однажды на аудиенции у Пия IX пожаловалась на плохие условия проживания в римском гетто.

Родовым домом во Франкфурте руководил старший из пяти братьев, Амшель Майер Ротшильд.

Он и его брат Соломон, живший в Вене, были придворными банкирами немецких князей и австрийских магнатов, о чем говорит длинный список предоставленных займов. Само собой разумеется, что финансисты высшей знати вскоре и сами были причислены к аристократическим слоям общества. Император Австрии возвел в дворянство многих придворных финансистов – троих братьев Хениг, троих братьев Вертгеймер, Арнштайнов, Эскелес и Герцов. В Баварии к дворянскому сословию были причислены придворные банкиры Арон Элиас Зелигман и Якоб Гирш. Очередь дошла и до Ротшильдов, к тому же придворными факторами они уже были почти двадцать лет.

Возведение в дворянство произошло по ходатайству министра финансов графа Штадиона. Вначале титул получил Амшель, а затем и Соломон. К этому времени братья стояли во главе франкфуртского вексельного банка в Шенбруне. Это произошло 25 сентября 1816 года, а 21 октября титул получили братья Якоб и Карл. 25 марта 1817 года каждому был изготовлен диплом дворянина. По ходатайству советника правительства Нижней Австрии и придворного агента Зонлайтнера, доверенного лица четырех братьев, диплом был вручен каждому отдельно, так как братья проживали в четырех разных странах.

Характерно, что они как евреи были записаны в дипломе менялами, в то время как финансисты христианской веры именовались банкирами. Кроме того, граф Штадион посчитал, что единственным основанием для возведения в дворянство служило дело об английских субсидиях 1815 года, которое братья сумели осуществить «с большой тщательностью и точностью», «отличившись при этом особой сговорчивостью и услужливостью». Что касается старшего Ротшильда, то в актах на возведение в дворянство его имя не всегда писали правильно. Вначале его называли Майер Амшель – так звали отца, скончавшегося в 1812 году, – потом Амшель Майер. Натан, проживающий в Англии, в этих документах упомянут не был.

Венские придворные финансисты вскоре после получения дворянства добивались титула барона, поэтому Ротшильды тоже ходатайствовали о присвоении им этого звания. 29 сентября 1822 года их просьба была удовлетворена. Теперь в документы включили и Натана, который сразу стал бароном. На этот раз пятеро братьев были названы банкирами. Они стали австрийскими баронами, «учитывая заслуги, оказанные государству», «с почтительным обращением Ваше благородие». И снова каждый из пяти братьев получил свой собственный диплом барона. Их герб был украшен девизом: *Concordia, Integritas, Industria* (Согласие. Честность. Трудолюбие).

Этот девиз полностью отражал единомыслие братьев, их честность и неутомимое усердие. Но получение титула барона едва ли означало повышение авторитета Ротшильдов. Натан не мог воспользоваться своим баронским титулом в Англии. Это противоречило английской конституции, не разрешавшей предоставление дворянских званий иностранцам. Но все же возведение в дворянство изменило стиль жизни Ротшильдов. Они приобрели роскошные дворцы, стали давать великолепные обеды, на которые съезжались представители аристократических кругов многих стран. Их охотно принимали европейские аристократы, особенно немецкие, в то время как буржуазия довольно сдержанно относилась к этой финансовой династии. Так, например, тайный советник Баден-Бадена в 1861 году отказал Соломону Ротшильду в праве гражданства, хотя там у банкира были богатые владения, и власти вынуждены были ходатайствовать о предоставлении ему права гражданства. И тот, хотя и являлся австрийским бароном, не мог стать гражданином Австрии, так как был евреем. Прошло еще много лет, пока он стал почетным гражданином Вены, постоянным жителем Австрии.

Государственный канцлер князь Меттерних был покровителем Ротшильдов в Австрии, а они предоставляли в распоряжение его режиму многие миллионы. Он тоже активно содействовал их возведению в дворянство. Поэтому нет ничего удивительного в том, что 23 сентября 1817 года дом Ротшильдов предоставил государственному канцлеру заем в 900 тысяч гульденов под 5 %, которые необходимо было выплатить до 1834 года. Но уже в 1827-м Меттерних все выплатил! Финансовые акции проводились надлежащим образом и никогда не были связаны с подкупом. Нет никакого сомнения в том, что подобная финансовая помощь (а было еще и много других случаев) накладывала на государственного деятеля определенные обязательства по отношению к финансистам. Чаще всего Меттерних был склонен поддерживать желания и планы Ротшильдов.

Соломон, живший во Франкфурте, тоже являлся банкиром немецкого союза, хотя там было достаточно своих известных банкирских домов, таких как банк братьев Бетманов. Но Меттерних вместе с Пруссией высказался в пользу Ротшильдов. Речь шла о солидной сумме в 20 миллионов франков из военной контрибуции Парижа для сооружения четвертой крепости на Рейне. Ротшильды предложили перевести эти деньги во Франкфурт, чтобы, обменяв их, держать наготове для парламента. Джеймс предложил 3,5 %, Соломон – 3 %, если им предоставят деньги, когда они действительно будут необходимы. Благодаря вмешательству Меттерниха 20 миллионов были предоставлены на неопределенный срок под 3,5 %, хотя за наличные деньги следовало уплатить 5 %. Такой дешевый и к тому же огромный кредит, конечно, был выгоден дому Ротшильдов.

Братья навсегда сохранили верность Гессенскому дому. 27 февраля 1821 года умер курфюрст, с деньгами которого они начали свое восхождение. В то время «пять франкфуртцев» уже имели прочные деловые отношения с ведущими государствами Европы. Пришедший к власти курпринц нуждался в деньгах, и Ротшильды неоднократно помогали ему значительными суммами. Но у нового курфюрста не было той деловитости, которой обладал его отец, считавшийся самым крупным и преуспевающим банкиром среди правящих немецких князей.

Тесные взаимосвязи Амшеля с гессенским двором выражались еще и в том, что он взял на себя заботу о княгине Ганау, морганатической супруге курфюрста Фридриха Вильгельма I, и ее детях. Немецкие князья охотно давали своим придворным факторам-евреям подобного рода секретные поручения, так как знали, что они будут молчать и действовать тайно.

Франкфуртский родовой дом был чрезмерно признателен Будерусу фон Карлсгаузену. Поэтому весть о смерти покровителя в 1819 году была для Амшеля Майера тяжелым ударом. В соответствии с заключенным договором Будерус принимал участие в финансовых делах и смог оставить своей семье состояние в 1,5 миллиона гульденов. Свое завещание он закончил словами:

«О своих дорогих детях я заботился, насколько у меня хватало сил. Я не боялся никаких лишений и трудностей, если речь шла об их счастье. Вся моя жизнь была направлена на то, чтобы обеспечить их благополучие. Бог благословил мои старания... А вы, мои дорогие дети, послушайте и последуйте моему последнему отцовскому наставлению: берегите состояние, которое я с Божьей помощью приобрел для вас. Ни одна слеза несчастного и ни одно проклятие обманутого не лежит на нем бременем. Стремитесь приумножить его и укрепить своей бережливостью, любовью к порядку, прилежанием, благоразумием, снисходительностью и богобоязненностью. Остерегайтесь жадности и алчности, в зародыше убивающей любую добродетель и любое доброе дело! Никогда не забывайте, что скромность ведет к богатству».

В качестве ответной услуги за предоставление солидного состояния курфюрст предоставил ведение всех финансовых дел Ротшильдам. Кроме того, председателем парламента была предоставлена возможность использовать наличные деньги курфюрста для укрепления доверия к дому Ротшильдов и обеспечения расширяющихся спекуляций.

Но вскоре потеря покровителя была возмещена тем, что братья снискали благосклонность авторитетнейших государственных деятелей, вначале Меттерниха, а потом в еще большей степени Бисмарка, и могли рассчитывать на их поддержку в различных финансовых операциях. О том, что может значить милость Меттерниха, свидетельствует эпохальное событие в жизни Амшеля Майера. Когда в 1820 году Меттерних приехал во Франкфурт, он получил от Амшеля Майера письмо следующего содержания:

«Светлейший князь! Милостивый князь и государь! Надеюсь, Ваша Светлость будет так благосклонен и не посчитает за дерзость, если я осмелюсь просить Ваше Высочество о высокой милости отобедать у меня сегодня.

Это счастье составило бы целую эпоху в моей жизни. Я все же не отважился бы на такую просьбу, если бы мой брат в Вене не заверил меня, что Ваша Светлость не откажет мне в этой милости.

Находящиеся здесь господа из Австрии обещали мне присутствовать на тот случай, если Ваша Светлость пожелает встретиться еще с кем-либо, только велите приказать, так как любой посчитает за счастье составить общество Вашему Высочеству».

Меттерних принял приглашение и отобедал у Амшеля Майера в обществе очень близкой к нему княгини Ливен. Это событие не осталось незамеченным, прибавилось и завистников, которым не очень нравилось быстрое социальное продвижение Ротшильда.

Супругу Амшеля Майера прусский посол во Франции пригласил на бал. Христианские банкиры Бетлан, Брентано, Гонтард стали часто обедать с Ротшильдами и приглашали их к себе в гости. Отныне ни одно значительное финансовое дело не обходилось без участия этого дома. Бургомистр Бремена Шмидт, представитель своей земли во Франкфурте, после беседы с членом бундестага Австрии графом Буол-Шауенштайном так описывал положение дома Ротшильдов в то время:

«Своими невероятно крупными финансовыми делами, вексельными и кредитными связями этот дом и на самом деле превратился в подлинную финансовую мощь и настолько завладел финансовым рынком, что в состоянии по собственному желанию определять и поддерживать все движения и операции влиятельных лиц, даже самых крупных европейских рынков... Многие средние и мелкие государства находятся в постоянной зависимости от его власти, что облегчает ему при необходимости обращаться с просьбой, особенно если она оказывается такого незначительного свойства, как протекция нескольких десятков евреев в небольшом государстве».

Под протекцией Шмидт имел в виду государственное равноправие евреев Франкфурта. Вопреки сопротивлению графа Буола Ротшильд добился своего при поддержке Меттерниха. Финансистами самого Меттерниха были евреи. Кроме того, он помогал некоторым знатым особам получить займ у Ротшильда, например послу Австрии в Лондоне князю Паулю Антону фон Эстерхази. Ротшильд вместе с банкиром Эскелесом обеспечил Меттерниху финансовую поддержку во время его обручения с графиней Цихи-Ферари. Царь Николай подарил молодоженам более 400 тысяч франков.

Несмотря на то что сам Амшель Майер с неутомимым рвением заступался за своих единоверцев, он все же был противником сионизма. Всю свою жизнь он слыл оригиналом, которого не радуют его миллионы. К тому же следует добавить, что его брак с Евой Ганау, предназначенной ему отцом, был бездетным. Современники особенно превозносили его за благотворительность. Он давал средства к существованию многим еврейским семьям во Франкфурте. Его считали самым благочестивым евреем в городе. Бисмарк, как прусский посланник при союзном сейме во Франкфурте, был частым гостем у Амшеля Майера. О Ротшильде он оставил следующие записи:

«Этот седой, худощавый мужчина небольшого роста, самый старший в роду, в своем дворце казался бедным. Детей у него не было, вдовец, которого люди часто обманывали, а благородные французские и английские племянники и племянницы, пользуясь его богатством, плохо обращались с ним, не проявляя к нему ни любви, ни благодарности».

Амшель Майер, проживший многие годы вместе со своим отцом в еврейском квартале Франкфурта и все свои силы отдавший продвижению банкирского дома, умер 6 декабря 1855 года в возрасте 82 лет. Он был австрийским бароном, прусским тайным коммерческим советником и придворным банкиром, тайным финансовым советником курфюрста Гессена, тайным советником Великого герцога Гессена, королевским консулом Баварии, рыцарем высоких орденов.

В историю банковского дела дом Ротшильдов вошел не только как самый известный, но и как самый крупный частный банкирский дом, который когда-либо знал мир. Это доказывает объем предоставленных государственных займов. За сто лет, с 1804 по 1904 год, на одних только займах они заработали 1300 миллионов фунтов стерлингов, по прежней немецкой денежной системе это около 70 миллиардов немецких марок. До настоящего времени ни один европейский и ни один американский частный банк не достиг уровня дома Ротшильдов по своим финансовым возможностям – и вряд ли уже сможет это сделать в наш век глобализации и транснационального капитала.

Многие связывают с именем Ротшильд понятие «деньги». Это, конечно, верно, так как Ротшильды в первую очередь были банкирами, составившие себе огромное состояние и стремившиеся к тому, чтобы постоянно увеличивать его. Но новейшие исследования показали, что они были и политиками, которые неоднократно и решительным образом влияли на политику различных стран, Европы в целом, правда, всегда в своих интересах и в интересах своих миллионов.

Чтобы показать политическое влияние их займов, следует еще раз остановиться на некоторых примерах. Финансирование войн против Наполеона I привело к его свержению. Получение репарации (выплаты проигравшего государства) после Франко-прусской войны 1870–1871 годов за короткий срок и трансферт (перевод) по тем временам огромной суммы в 5 миллиардов франков без потрясений международного валютного курса было не только финансовой операцией высокого класса, но и привело к преждевременному освобождению занятых французских территорий, что во многом способствовало укреплению чувства собственного достоинства французов.

Только банкирский дом Ротшильдов был в состоянии в течение нескольких часов предоставить в распоряжение английского премьера Дизраэли 240 миллионов марок наличными под 3 % для приобретения акций Суэцкого канала. Какое политическое значение имела и имеет до сих пор эта транзакция, показывает большая политика наших дней. Приобретение монополий на добычу ртути в Европе, возможное благодаря арендованию рудников в Альмадене с одновременным предоставлением соответствующего займа, укрепило либеральный режим королевы Кристины в Испании. Именно этот пример является доказательством того, что Ротшильды умели сочетать политический аспект займов с экономической выгодой для общего банкирского дома.

О Ротшильдах как основателях банков напоминает сегодня и Австрийская кредитная контора торговли и промышленности, которая сумела пережить все кризисы, даже кризис 1931 года, и до сих пор считается самым крупным банком Федеративной республики Австрии.

Заемную политику Ротшильды использовали и для поддержания своих единомышленников, продвигая их эмансипацию в Германии, Австрии, Италии и Англии. Один из братьев был первым евреем в английской палате общин, другой, став первым еврейским лордом, вошел в палату лордов. Ротшильды были первыми евреями в верхней палате парламента в Вене и Берлине. «Пятерым франкфуртцам», как видным представителям евреев, было направлено обращение английского министра иностранных дел Бальфура от 2 ноября 1917 года о создании в Палестине национальной родины.

Иногда Ротшильдов упрекают в том, что не так уж много миллионов они пожертвовали на благотворительные цели, особенно для евреев. С их именем не связано ни одно крупное учреждение, как с именами Карнеги, Рокфеллера, Форда, а в последнее время с семьей Тиссенов; они не провели ни одного крупного общественного мероприятия, как Крупп и Фуггер. Но на самом деле Ротшильды пожертвовали многие миллионы на благотворительные цели, особенно венская и парижская линии. Только для создания поселения в Палестине они предоставили 70 миллионов франков золотом, о чем напоминают названия улиц в городах

Израиля. В их родном городе Франкфурте еще и сегодня существуют три благотворительных заведения, основанных членами династии Ротшильдов.

В завершение рассказа о Майере Амшеле Ротшильде можно привести характеристику, которую ему дал публицист и писатель Людвиг Берне. Он тоже был выходцем из еврейского квартала Франкфурт-на-Майне и лично знал знаменитого основателя банкирского дома.

«Старший Ротшильд был набожным человеком, само благочестие и добродушие. У него было доброе лицо с острой бородкой, на голове он носил треуголку, его одежда была более чем скромной, почти жалкой. Так и ходил он по Франкфурту всегда в окружении целой свиты нищих. Им он подавал милостыню или добрые советы. Если на улице встречалась толпа нищих с довольными и спокойными лицами, то уже знали, что здесь недавно проходил старший Ротшильд. Однажды, когда я еще был маленьким мальчишкой, мы с отцом шли как-то в пятницу вечером по еврейскому кварталу и встретили Ротшильда, как раз вышедшего из синагоги. Помню, что, поговорив с отцом, он и мне сказал несколько теплых слов, а потом положил мне руку на голову, как бы благословляя меня».

После смерти Майера Амшеля в 1812 году его совокупный капитал оценивался в 150–200 миллионов золотых франков, что вдвое превышало активы Французского банка. Когда сыновья Майера Амшеля Ротшильда разъехались по всей Европе, они не прекращали свое сотрудничество. Создав общую систему связи – курьерскую службу, они получали известия о важнейших политических событиях, о любых биржевых потрясениях раньше всех. Умение Ротшильдов быстро собирать сведения, а если надо – и распространять дезинформацию сыграло большую роль в том, что история дома тесно переплелась с историей Европы. Все сыновья не только сохраняли семейный капитал, но и приумножали его.

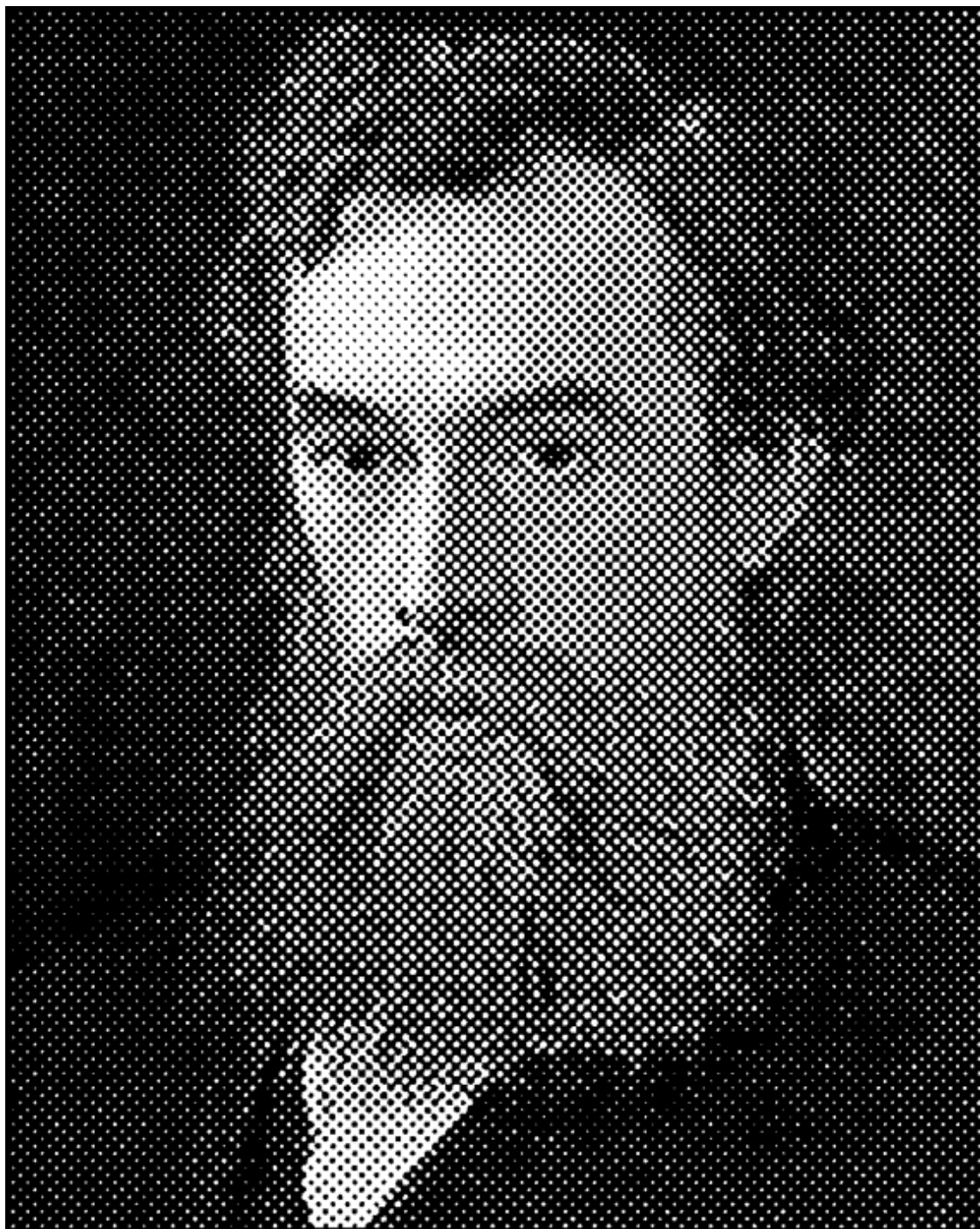
Братья Ротшильды принимали участие во многих глобальных мероприятиях XIX века. Они финансировали строительство железных дорог по всей Европе, покупку Англией Суэцкого канала, разведку нефти в России и Сахаре, поддерживали алмазные предприятия во всем мире. Они ссужали русских царей, финансировали Габсбургов и предоставляли займы самому Папе Римскому, спасая Папскую область от банкротства. В XIX веке пятеро братьев выпускали займы почти для всех стран.

К концу XX века главные ветви династии находились во Франции, Англии, Швейцарии. Общее состояние потомков Ротшильда в середине 90-х годов оценивалось примерно в 9 миллиардов фунтов стерлингов. Центром деловой активности остается банк «Н. М. Ротшильд и сыновья» в Лондоне, которому более 190 лет. Это был последний частный банк Англии, находившийся под полным контролем одной семьи. Действует банк «Ротшильд и К°» в Париже, холдинговая финансовая компания в Женеве и «Банк Ротшильдов» в Цюрихе.

Третьяков Павел Михайлович

Моя идея была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы обществу в каких-либо полезных учреждениях.

П. М. Третьяков

Искусство играет важную роль в жизни человека. Живопись и скульптура, музыка и архитектура, театр и кино окружают нас, неся «разумное, доброе, вечное», делая нашу жизнь духовной и нравственной.

Живопись – одна из ярчайших граней искусства. Миллионы полотен находятся в стенах музеев и выставочных залов, являются украшением частных коллекций. Веками формировались художественные фонды, по крупицам собиралось все то, что сегодня принадлежит всему человечеству.

Но кто создавал художественные галереи? Кто коллекционировал полотна? На чьи средства приобретались шедевры живописи? История сохранила для нас имена тысяч людей, которым не чужды были такие понятия, как меценатство, благотворительность, бескорыстие. Одним из них был россиянин Павел Михайлович Третьяков.

Третьяков Павел Михайлович – предприниматель, меценат, коллекционер, благотворитель. Потомственный почетный гражданин (1856), коммерции советник (1880), почетный гражданин г. Москвы (1897). Член московского отделения Совета торговли и мануфактур (1868–1889). Действительный член петербургской Академии художеств (1893). Член Русского музыкального общества (1860–1898), член совета Московского художественного общества (1872–1894).

Третьяковы происходили из старого, но небогатого купеческого рода, ведущего свою историю с 1646 года. Прадед Павла Михайловича Третьякова и его брата Сергея Михайловича – Елисей Мартынович – прибыл в Москву из города Малый Ярославец в 1774 году семидесятилетним стариком с женой и двумя сыновьями – Захаром и Осипом. Дед – Захар Елисеевич – был московским купцом 3-й гильдии. В 1828 году он открыл в Москве заведение по окраске и крахмалению холста и парусины. Отцу П. М. Третьякова – Михаилу Захаровичу (1801–1850), московскому купцу 2-й гильдии, удалось расширить семейное дело. Ему принадлежало пять лавок в Старых рядах на Красной площади, в которых велась торговля полотном, а в 1846 году он купил и в 1847-м перестроил «торговые, всенародные, дворянские и семейные мужские и женские бани» в Якиманской части Москвы. Но по-настоящему большого размаха дело Третьяковых достигло при следующем поколении. Павел Михайлович Третьяков унаследовал дело отца в первой половине 1850-х годов. Торговый дом «П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин» появился в Москве в 1860 году. Наследники Третьякова продолжали торговое и промышленное дело. Им принадлежала льноткацкая и льнопрядильная фабрика в Костроме.

Михаил Захарович, отец собирателя, проявил в торговле большую энергию и способности. В 1831 году он женился на Александре Даниловне Борисовой, дочери крупного коммерсанта по экспорту сала в Англию. Поначалу отец считал брак дочери неравным, но время показало, что зять Данилы Борисова оказался весьма деловым и удачливым. В 1832-м у молодых родился первенец – Павел Михайлович Третьяков, а в 1834 году – Сергей Михайлович.

Образ жизни всех Третьяковых был самый патриархальный, интересы редко простирались дальше лавки, дома и церкви. Детей с детства приучали к труду, воспитывали в строгости, траты на «пустяки» не допускались. Зато чтение книг всячески поощрялось.

С самых юных лет Павел Михайлович служил мальчиком в лавке. Там ему приходилось не только бегать по поручениям, зазывать покупателей и помогать их обслуживать, но и выносить помои, подметать полы. Конечно, с тех пор многое изменилось, и представить себе сына какого-нибудь известного предпринимателя за такими занятиями уже совершенно невозможно. Однако сам принцип приучения к труду с малолетства вряд ли устарел. Во всяком случае, уже в зрелые годы П. М. Третьяков не раз говорил: «Работаю потому, что не могу не работать», «Праздность – мать пороков, труд человека кормит, а лень портит».

В 13 лет Третьяков перешел из лавки в контору отца, где учился вести торговые книги и работать с оптовыми покупателями. Следует заметить, что Михаил Захарович настаивал на том, чтобы к его сыновьям и в лавке, и в конторе относились так же, как к простым служащим. Такое воспитание не только позволило Павлу Михайловичу подробно ознакомиться со

всеми ступенями того дела, которое ему предстояло унаследовать, но и привило уважение ко всем людям, честно зарабатывавшим свой хлеб. Наставляя своих детей, он говорил: «Каждая профессия должна давать средства к жизни. Каждая профессия почетна, если ведется честно. Честный сапожник, трудолюбивый и искусный в своем деле, лучше нечестного или же неталантливого ученого». Это полное отсутствие снобизма было одним из важнейших правил ведения дел в том круге, к которому принадлежал П. М. Третьяков.

Отец Павла Михайловича был человеком слабого здоровья и умер в 1850 году в возрасте сорока девяти лет. Согласно завещанию жене Александре Даниловне следовало распорядиться всеми делами до достижения 25-летия младшего из сыновей – Сергея, сыновей Павла и Сергея воспитывать до совершеннолетия, не отстранять от торговли и от своего сословия и дать им приличное образование.

Братья, унаследовавшие дело отца, стали развивать операции по закупке льна, его переработке и продаже текстильных изделий. В 1864 году они основали известнейшую Новую Костромскую мануфактуру льняных изделий, построили в Костроме несколько фабрик по переработке льна, через два года учредили знаменитое Товарищество Большой Костромской льняной мануфактуры с капиталом 270 тысяч рублей золотом.

Лен в России всегда считался коренным русским товаром. Экономисты из числа славянофилов всегда восхваляли лен и противопоставляли его «иноземному» американскому хлопку. Мануфактура братьев Третьяковых имела сначала всего одну паровую машину и 22 ткацких станка. Но к концу столетия она производила больше пряжи, чем льнопрядильни Швеции, Голландии и Дании вместе взятые. Ткани Костромской мануфактуры получили Гран-при на всемирных выставках в Париже в 1900 году и Турине в 1911-м, отечественные же награды исчислялись десятками. Это производственное предприятие существует в Костроме и в настоящее время. Оно производит известные не только в России, но и далеко за ее пределами высококачественные жаккардовые, набивные, гладкокрашенные и пестротканые льняные изделия (некоторые даже с ажуром и вышивкой).

Следует отметить, что Павел Михайлович Третьяков потратил на организацию картинной галереи в Москве около полутора миллионов рублей. Свыше трети этой суммы он получил в виде прибыли от Новой Костромской льняной мануфактуры. Таким образом, костромские текстильщики внесли свой вклад в создание национальной сокровищницы – знаменитой Третьяковской галереи. На фабрике «Товарищества Ново-Костромской льняной мануфактуры» были созданы школа, больница, родильный дом, дом престарелых, ясли и потребительское общество. Фабрика Третьякова считалась одной из самых передовых и благоустроенных фабрик России того времени. Павел Михайлович заботился и об улучшении бытовых условий рабочих.

Расширяя дело отца, братья Третьяковы построили также бумагопрядильные фабрики, на которых работало около 5 тысяч человек.

Торговые и промышленные дела Третьяковых шли очень успешно, но все-таки эта семья никогда не считалась одной из самых богатых. В дальнейшем успешное ведение дел позволило братьям тратить немалые средства на благотворительные цели, а также собирание художественных коллекций. При создании своей знаменитой галереи Павел Михайлович тратил огромные, в особенности по тому времени, деньги, может быть, несколько в ущерб благосостоянию своей собственной семьи. А семья у него была немалая.

В 1865 году Павел Михайлович женился на Вере Николаевне, урожденной Мамонтовой, которая была на 13 лет моложе супруга. Она приходилась двоюродной сестрой знаменитому русскому предпринимателю, промышленнику и филантропу, основателю Московской частной оперы Савве Ивановичу Мамонтову и двоюродной тетушкой Вере Мамонтовой, ставшей моделью для картины В. А. Серова «Девочка с персиками» (1887). В браке родились шестеро детей – двое мальчиков и четыре девочки. Отношения в семье складывались счаст-

ливо, все дети дружили между собой. Старшие Вера и Саша были погодками, потом шли Люба и Миша, позднее, через четыре года после Миши, родилась Маша, а за ней последний – Ванечка, всеобщий любимец. Увы, Миша родился больным и был не дееспособным. Большое горе обрушилось на семью Третьяковых в 1887 году, когда за три дня от скарлатины, осложненной менингитом, умер восьмилетний Ваня. Для Павла Михайловича это было крушением всех надежд: на продолжение рода, продолжение художественной и всякой другой деятельности.

Дочерям родители предпочли дать домашнее образование. Отец был для девочек примером трудолюбия, развивал вкус к хорошей живописи, а Вера Николаевна наградила дочерей музыкальными способностями. В зале стояли два концертных рояля фирмы «Бехштейн». Вера, Саша, Люба и Маша постоянно занимались музыкой, но особенно способной была Вера. Друг семьи, Петр Ильич Чайковский, даже советовал ей поступать в консерваторию, но отец, будучи сторонником строгого воспитания, не позволил сделать этого.

В доме Третьяковых бывали И. С. Тургенев, композиторы Н. Г. Рубинштейн и П. И. Чайковский, художники И. Е. Репин, В. И. Суриков, В. Д. Поленов, В. М. Васнецов, В. Г. Перов, И. Н. Крамской. С некоторыми из них семья была в родстве: брат П. И. Чайковского Анатолий был женат на племяннице Павла Михайловича; жена художника В. Д. Поленова, Н. В. Якунчикова, приходилась племянницей Вере Николаевне.

Павел Михайлович, сам купец в четвертом поколении, желал, чтобы его дочери вышли замуж только за купцов. Но так случилось, что старшая из дочерей Вера полюбила талантливого пианиста Александра Зилоти, двоюродного брата композитора С. В. Рахманинова. Зная, что отец может не дать благословения на брак с музыкантом, Вера очень нервничала, даже заболела. Когда Павел Михайлович увидел страдания дочери, все его теории в отношении партии для своих дочерей полетели в тартарары. Родители пришли к Вере и сказали: «Мы дадим его тебе, только не хвори». Брак Веры Третьяковой и Александра Зилоти состоялся в феврале 1887 года. Мужем Александры стал врач и коллекционер Сергей Боткин. Его брат Александр, доктор, затем гидрограф, исследователь Севера, женился на Маше. В мае 1894 года Люба вышла замуж за художника Николая Гриценко. Овдовев в 1900 году, Любовь Павловна второй раз вышла замуж за знаменитого Льва Бакста, живописца и графика, создателя костюмов и декораций к дягилевским спектаклям в Париже. Павлу Михайловичу достало широты взглядов, чтобы оценить по достоинству всех этих молодых людей.

Об особенностях воспитания Павлом Третьяковым своих дочерей может свидетельствовать вот какой факт. В 1893 году Павел Михайлович написал очень большое серьезное письмо дочери Александре, в котором объяснял свое представление о родительском долге: «Нехорошая вещь деньги, вызывающая ненормальные отношения. Для родителей обязательно дать детям воспитание и образование и вовсе не обязательно обеспечение». В том же письме были и такие слова: «Моя идея была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях; мысль эта не покидала меня всю жизнь».

Вот как описывала облик Третьякова его дочь, Александра Павловна Боткина:

«Сухой, тонкокостный, высокий Павел Михайлович делался сразу небольшим, когда садился, – так длинны были его ноги. Глаза под густыми торчащими бровями, хотя и не черные, а карие, казались угольками.

Говорили, что когда Павел Михайлович сердился, он "пылил", глаза метали искры, брови становились дыбом, лицо краснело. Рассказывали, что он тряс, держа за шиворот, десятника, когда два плохо вмазанных в потолок Галереи стекла посыпались и могли поцарапать картины.

Руки Павла Михайловича, с длинными пальцами, были красивы. Волосы его были темно-каштановые, но на усах и бороде светлее, чем на голове.

Одет он был всегда в двубортный сюртук, рубашку с отложным воротником и белым батистовым галстуком бантиком. Сапоги были неизменно с квадратными носками и мягкими голенищами, которые скрывались брюками. Только в жару летом он облачался в белый парусиновый или чесучевый костюм.

Осеннее драповое пальто было всегда одного и того же фасона. Сколько лет он носил то же пальто и как часто заказывал новое, нам никогда не приходило в голову. Казалось, что он всю жизнь проходил в одном и том же пальто, в одной и той же фетровой шляпе с широкими полями. Другой я на нем не видала. Летом ходил он в панаме всегда одного фасона. Он был неотделим от своей одежды».

Павел Третьяков с юных лет очень любил театр, музыку, библиотеки. Первые покупки художественных произведений, сделанные им, относятся к середине 1850-х годов. Поездка в 1852 году в Петербург на всю жизнь оставила в нем неизгладимое впечатление. Он впервые побывал в Эрмитаже и просто влюбился в живопись. Увлеченный искусством Третьяков в 1854 году начал собирать художественную коллекцию национальной русской живописи. Первые его приобретения – около десяти графических листов старых голландских мастеров – куплены на «развалах» у Сухаревой башни. Эти рисунки до самой смерти Третьякова украшали его жилые комнаты.

Несколько слов о знаменитых «развалах на Сухаревке». Возникли они после войны 1812 года. Возвратившись в родной город, москвичи начали разыскивать свое разграбленное во время войны имущество. В это время появился приказ генерал-губернатора Растопчина, в котором объявлялось, что «все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются неотъемлемой собственностью того, кто в данный момент ими владеет», и что «всякий владелец может их продавать, но только один раз в неделю, в воскресенье, в одном только месте, а именно: на площади против Сухаревской башни».

Там можно было найти абсолютно все: от ворованной одежды до редких книг и подлинных произведений искусства. Вот что пишет Владимир Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи»: «Я сидел обыкновенно направо от входа, у окна, за хозяйский столлик вместе с Григорьевым и беседовал с ним часами. То и дело подбегал к столу его сын, гимназист-первоклассник, с восторгом показывал купленную им на площади книгу (он увлекался "путешествиями"), брал деньги и быстро исчезал, чтобы явиться с новой книгой. У этого самого Григорьева (хозяина тамошнего трактира) была большая прекрасная библиотека, составленная им исключительно на Сухаревке».

«Был интересный случай. К палатке одного антиквара подходит дама, долго смотрит картины и останавливается на одной с надписью: "И. Репин"; на ней ярлык: десять рублей.

– Вот вам десять рублей. Я беру картину. Но если она не настоящая, то принесу обратно. Я буду у знакомых, где сегодня Репин обедает, и покажу ему.

Приносит дама к знакомым картину и показывает ее И. Е. Репину. Тот хохочет. Просит перо и чернила и подписывает внизу картины: "Это не Репин. И. Репин". Картина эта опять попала на Сухаревку и была продана благодаря репинскому автографу за сто рублей». Это тоже цитата из В. Гиляровского.

Говорили, что среди хламья на Сухаревке можно было обнаружить даже подлинник Рембрандта. Но, не имея на первых порах опыта и разносторонних знаний в области искусства и руководствуясь глубоким патриотическим чувством, Третьяков решил сосредоточиться на собирании работ современных ему русских художников. Известно, что никакого специального художественного образования Павел Михайлович не имел. Тем не менее он покупал работы своих еще малоизвестных, но талантливых современников. Более того, у того или иного мастера он, как правило, приобретал наиболее значительные работы. Картина В. Г. Худякова «Стычка с финляндскими контрабандистами» (1853) появилась у Третьякова одной из первых в 1856 году. Этот год и считается временем рождения Третьяковской галле-

реи. Затем последовала покупка работ И. П. Трутнева, А. К. Саврасова, К. А. Трутовского, Ф. А. Бруни, Л. Ф. Лагорио и др. Зная о произведениях К. П. Брюллова, находящихся в Италии, Третьяков попросил приобрести у наследников археолога М. Ланчи его портрет. Таким образом в 1860 году в коллекции появилась первая работа «великого Карла» – «Портрет археолога М. Ланчи» (1851). Так Третьяковым была начата многолетняя самоотверженная собирательская работа, скромная, не рассчитанная на рекламу и восхваления. Можно сказать, что уже с самого начала коллекционирования он имел ясное представление о цели своего труда.

За 42 года своего собирательства Павел Михайлович встречался и общался с огромным множеством людей. Первым его другом был брат Сергей Михайлович. Братья-погодки вместе росли и развивались. Характеры у них были совершенно разные, но именно поэтому удачно дополняли друг друга. В торговых делах они безусловно полагались друг на друга, в художественных – тоже нередко действовали сообща. Братья совместно купили Ташкентскую коллекцию Верещагина, были и отдельные случаи, когда Павел Михайлович советовал Сергею Михайловичу приобрести хорошие вещи, которые сам по какой-то причине в тот момент купить не мог. Это были картины: Васильева – «В Крымских горах», Перова – «Птицелов», Куинджи – «Украинская ночь», Бронникова – «Освящение гермы», Гуна – «Попался». Неизвестно, как встретил Павел Михайлович желание брата собирать картины иностранных художников, но со временем он очень заинтересовался этими приобретениями. Собрание Сергея Михайловича получилось исключительным по качеству. Он покупал, менял, улучшал. Когда он умер в 1892 году, осталось 84 произведения 52 художников, работавших в XIX веке, по большей части французских мастеров.

Сохранилось много писем Сергея Михайловича к брату, где он сообщал о покупках и встречах, о делах фабрики (о переходе на восьмичасовой рабочий день, о проведении электричества и т. д.). Писал он и о картинах русских художников. Писем же Павла Михайловича, к сожалению, имеется мало. Вот одно из них.

«Любезный брат! Принять участие в Академической комиссии никак не могу; я так занят, что ты не можешь себе представить, не видя близко постоянную мою жизнь, занят не только делами, но двумя разными общественными обязанностями, которые все-таки не могу исполнять так, как желал бы. Вот, например, нельзя заключить фабричный баланс без того, чтобы я не побывал на фабрике, а я не могу выехать туда ранее конца этого месяца. В Петербурге летом я ни разу не был по неимению времени. Осенью могу быть свободным, тогда я стремлюсь уехать. Ты живешь в Петербурге и пользы в Комиссии принесешь больше меня.

Получены пастели Лермита, из них "Весна" с фигурами, чудесная и совершенно достаточная. Лишние экземпляры только портят впечатление. Другое дело, если бы был еще один экземпляр черный вроде бывших больших на последней выставке. Поздравляю с именинницей. Желаю всего лучшего.

П. Третьяков. 20 мая 1890 года».

К этому времени коллекционирование в России перестало быть чисто дворянским занятием. Инициатива, как и во многих других областях, здесь перешла к просвещенным кругам купечества и интеллигенции. Самую первую художественную галерею основал некто Свиньин, его галерея, называвшаяся «Русским музеем», существовала с 1819 по 1839 год, а впоследствии была продана на аукционе. Следует упомянуть, что наиболее значительные художественные ценности в дореволюционной России были собраны купеческими кругами, представители которых не жалели средств на приобретение произведений искусства. Однако деятельность большинства купцов на поприще коллекционирования во многом обуславливалась модой. Собранные ими картины служили, как и у дворян, лишь для украшения соб-

ственных апартаментов. Коллекции собирали братья Боткины, К. Т. Солдатенков, Ф. И. Прянишников, В. А. Кокорев, Г. И. Хлудов, И. И. Четвериков, М. М. Зайцевский, В. С. Лепешкин, П. Образцов, позднее – братья Щукины, И. А. Морозов, С. И. Мамонтов и другие. Третьяков происходил, как и они, из купеческой среды и до конца своих дней оставался купцом: вместе с братом, Сергеем Михайловичем, он владел мануфактурной фабрикой в Костроме, и это давало ему средства для истинного дела его жизни – собирательства.

Кстати, состояние Павла Михайловича по сравнению с известными богачами того времени было невелико. Поэтому, покупая картины для галереи, он, как правило, торговался. Так, в письме к русскому художнику В. Стасову Третьяков писал: «Я не концессионер, не подрядчик, имею на своем попечении школу глухонемых и обязан продолжить начатое – собирание русских картин, – вот почему я вынужден поставить денежный вопрос на первый план».

Павел Михайлович не преследовал никаких корыстных целей. Им овладела идея создать музей национальной живописи. В завещании, составленном в 1860 году, всего через четыре года после покупки первых картин, он писал: «Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствию».

Убежденность Третьякова, его вера в свое дело кажутся удивительными, если вспомнить, что он закладывал основы галереи в то время, когда русская школа живописи как самобытное и значительное явление лишь смутно вырисовывалась в тени, отбрасываемой великой художественной традицией Запада, могучее древнерусское искусство было полузабыто, произведения русских художников рассеяны по частным коллекциям, дома и за границей, когда не было еще ни Репина, ни Сурикова, ни Серова, ни Левитана, тех их картин, без которых невозможно сейчас представить русское искусство. Это было время становления демократического искусства, время зарождения новой школы русской живописи. Принципы, которыми руководствовался Третьяков в своей деятельности, находились в тесной связи с общим подъемом народно-освободительного движения в России, и поэтому галерея сыграла такую выдающуюся организующую роль в развитии русского искусства. Художники и историки искусства давно уже заметили, что, «не появившись в свое время П. М. Третьяков, не отдался он всецело большой идее, не начали собирать воедино Русское Искусство, судьбы его были бы иные: быть может, мы не знали бы ни "Боярыни Морозовой", ни "Крестного хода...", ни всех тех больших и малых картин, кои сейчас украшают знаменитую Государственную Третьяковскую галерею». (М. Нестеров). Или: «... Без его помощи русская живопись никогда не вышла бы на открытый и свободный путь, так как Третьяков был единственный (или почти единственный), кто поддержал все, что было нового, свежего и дельного в русском искусстве» (А. Бенуа).

Настоящих любителей, которые принимали бы активное участие в судьбе молодых художников, в старой Москве было мало. Они в основном ограничивались лишь покупкой картин для своих галерей, причем стремились купить картины подешевле. В отличие от них, Павел Михайлович Третьяков был настоящим меценатом. Его визит к художникам всегда считался волнующим событием, и не без душевного трепета все они, маститые и начинающие, ждали от Третьякова его тихого: «Прошу вас картину считать за мной», что было для всех равнозначно общественному признанию. В 1877 году И. Е. Репин писал П. М. Третьякову по поводу своей картины «Протодыкон»: «Признаюсь Вам откровенно, что если уж его продавать, то только в Ваши руки, в Вашу галерею, ибо, говорю без лести, я считаю за большую для себя честь видеть там свои вещи». Нередко художники шли Третьякову на уступки (он никогда не покупал не торгуясь) и снижали для него свои цены, оказывая тем самым посильную поддержку его начинанию. А польза здесь была обоюдной. Павел Михайлович

не только покупал картины, но и заказывал их, поддерживая таким образом художников и морально, и материально, что давало им возможность не зависеть от вкусов рынка.

В деятельности Третьякова-коллекционера прослеживается внимание прежде всего к творчеству современных ему художников реалистического направления середины и второй половины XIX века – передвижников, представителей демократического крыла отечественной школы, что определило своеобразие собрания галереи, влияние этого собрания на развитие реалистического искусства, его прогрессивное, революционизирующее общественно-воспитательное воздействие. Но в 1860-е годы, когда Товарищества передвижных художественных выставок еще не было, Третьяков покупал картины официальной академической школы, а с конца 80-х годов – произведения М. В. Нестерова, К. А. Коровина, В. А. Серова и других. Тогда же Третьяков начал собирать графику, в 90-х годах – иконы.

У Третьякова был безошибочный вкус. Он не боялся покупать произведения молодых, еще неизвестных художников. Об особенностях собирательства Павла Михайловича свидетельствует и тот факт, что многие работы для галереи были выполнены по его собственному заказу. И ни тогда, ни сегодня эти работы не разочаровывают самых требовательных ценителей отечественного искусства ни своей проблематикой, ни художественными достоинствами. Он покупал произведения, даже если против выступали очень сильные и уважаемые авторитеты вроде Л. Н. Толстого, не признававшего религиозной живописи В. М. Васнецова. Покупал даже те картины, которые были запрещены царскими властями для публичного обозрения.

Одной из таких картин стал «Сельский крестный ход на Пасхе» В. Г. Перова. На фоне хмурого деревенского пейзажа разворачивается нестройное пьяное шествие с образами и хоругвями после праздничной пасхальной службы. С жестким реализмом Перов передает не столько физическое, сколько духовное убожество этих людей. Картина произвела на современников убийственное впечатление контрастом между смыслом обряда и тем почти животным состоянием, до которого может опуститься человек. «Сельский крестный ход на Пасхе» вызвал протест официальной критики и церкви, картина была снята с выставки Общества поощрения художеств, запрещена к показу и воспроизведению. Купившему ее Павлу Михайловичу Третьякову художник В. Г. Худяков писал: «...слухи носят, что будто бы Вам от св. Синода скоро сделают запрос, на каком основании Вы покупаете такие безнравственные картины и выставляете публично?»

Павел Михайлович приобретал картины на выставках и непосредственно в мастерских художников, иногда покупал целые собрания: в 1874 году приобрел туркестанскую серию В. В. Верещагина (13 картин, 133 рисунка и 81 этюд), в 1880-м – его же индийскую серию (78 этюдов). В собрание Третьякова входило свыше 80 этюдов А. А. Иванова. В 1885 году Третьяков купил 102 этюда В. Д. Поленова, выполненных художником во время путешествия по Турции, Египту, Сирии и Палестине. У В. М. Васнецова Павел Михайлович приобрел собрание эскизов, сделанных в период работы над росписями в киевском Владимирском соборе. Наиболее полно и лучшими работами оказались представлены в его собрании В. Г. Перов, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, В. И. Суриков, И. И. Левитан, В. А. Серов. Попутно шло пополнение галереи произведениями художников XVIII – первой половины XIX столетия и памятниками древнерусской живописи. Этот героический период русского искусства можно понять, прочувствовать и изучить в Москве, в «Третьяковке» так, как нигде больше.

Все художники, молодые и уже знаменитые, мечтали, чтобы их картина висела в Третьяковской галерее, потому что уже сам факт покупки картины Павлом Михайловичем был актом общественного признания таланта художника. Так один удивительный человек смог повлиять на все русское живописное искусство и стать выразителем общественного мнения России.

Огромная историческая заслуга Третьякова – это его непоколебимая вера в торжество русской национальной школы живописи, вера, возникшая в конце 50-х годов XIX столетия и пронесенная им через всю жизнь, через все трудности и испытания. Можно с уверенностью сказать, что в наступившем в конце XIX века триумфе русской живописи личная заслуга П. М. Третьякова исключительно велика и неоценима.

В письмах Павла Михайловича сохранились свидетельства этой его горячей веры. Вот одно из них. В послании к художнику Риццони от 18 февраля 1865 года он писал: «В прошедшем письме к Вам может показаться непонятным мое выражение: "Вот тогда мы поговорили бы с неверующими" – я поясню Вам его: многие положительно не хотят верить в хорошую будущность русского искусства и уверяют, что если иногда какой художник наш напишет недурную вещь, то как-то случайно, и что он же потом увеличит собой ряд бездарностей. Вы знаете, я иного мнения, иначе я не собирал бы коллекцию русских картин, но иногда не мог не согласиться с приводимыми фактами; и вот всякий успех, каждый шаг вперед мне очень дороги, и очень бы был я счастлив, если бы дождался на нашей улице праздника». И примерно через месяц, возвращаясь к той же мысли, Третьяков писал: «Я как-то невольно верую в свою надежду: наша русская школа не последнею будет – было, действительно, пасмурное время, и довольно долго, но теперь туман проясняется».

Эта вера Третьякова не была слепым предчувствием, она опиралась на вдумчивое наблюдение за развитием русской живописи, на глубокое тонкое понимание формирующихся на демократической основе национальных идеалов.

Так, еще в 1857 году Павел Михайлович писал художнику-пейзажисту А. Г. Горавскому: «Об моем пейзаже, я Вас покорнейше попрошу оставить его, и вместо него написать мне когда-нибудь новый. Мне не нужно ни богатой природы, ни великолепной композиции, ни эффектного освещения, никаких чудес». Вместо этого Третьяков просил изображать простую природу, пусть даже самую невзрачную, «да чтобы в ней правда была, поэзия, а поэзия во всем может быть, это дело художника». В этой записке выражен тот самый эстетический принцип формирования галереи, возникший в результате продумывания путей развития русской национальной живописи. П. М. Третьяков угадал ее прогрессивные тенденции задолго до возникновения саврасовской картины «Грачи прилетели», пейзажей Васильева, Левитана, Серова, Остроухова и Нестерова – художников, сумевших в правдивом изображении природы России передать присущие ей поэзию и очарование.

Мысль о создании национальной, или народной, галереи Павел Михайлович впервые доверил художнику В. Г. Худякову и с предельной точностью изложил ее в завещательном письме, написанном в Варшаве 17(29) мая 1860 года, во время первой поездки за границу.

«Завещательное письмо»

По Коммерческому договору фирмы нашей мы должны были каждый положить в кассовый сундук конторы нашей конверт, в котором должно быть означено желание, как поступить в случае смерти оставившего конверт с капиталом его, находящимся в фирме, или другое какое-либо распоряжение.

Я хотел сделать распоряжение на случай моей смерти по заключению баланса к 3-му числу апреля сего 1860 г., но не мог успеть сделать до моего отъезда, почему и пишу теперь в Варшаве.

Так как имею очень мало времени, то и надеюсь ясно высказать желание мое, но как бог даст, только желание мое искренне и непременно.

Из прилагаемой здесь копии баланса видно, что капитал мой в фирме сто девяносто три тысячи двести двадцать семь рублей, а весь капитал с недвижимым имением и кассою, находящиеся в ведении брата Сергея Михайловича двести шестьдесят шесть тысяч сто восемьдесят шесть рублей. Сколько здесь без книг могу помнить, мне осталось после батюшки

всего капитала с недвижимым имением на сто восемь тысяч р. серебром; я желаю, чтобы этот капитал был равно разделен между братом и сестрами. Капитал же сто пятьдесят тысяч р. серебром я завещаю на устройство в Москве художественного музеума или общественной картинной галереи и прошу любезных братьев моих Сергея Михайловича и Владимира Дмитриевича и сестер моих Елизавету, Софию и Надежду непременно исполнить просьбу мою; но как выполнить, надо будет посоветоваться с умными и опытными, т. е. знающими и понимающими искусство и которые поняли бы важность учреждения подобного заведения, сочувствовали бы ей. Между прочим, сообщаю и свой план.

Я полагал бы, во-первых, приобрести (я забыл упомянуть, что желал бы оставить национальную галерею, т. е. состоящую из картин русских художников) галерею Прянишникова Ф. И. как можно выгодным образом; сколько мне известно, он ее уступит для общественной галереи, но употребить все возможные старания приобрести ее выгоднейшим образом. Покупка эта должна обойтись, по моему предположению, около пятидесяти тысяч р. К этой коллекции прибавить мои картины русских художников: Лагорио, Худякова, Лебедева, Штернберга, Шебуева, Соколова, Клодта, Саврасова, Горавского и еще какие будут и которые найдут достойными. Потом передать просьбу мою – всем нашим московским любителям – оказать пособие составлению галереи, пожертвованием от каждого какой-либо картины русского художника, или и иностранного, потому что при галерее русских художников можно устроить и галерею знаменитых иностранных художников.

Для всей этой галереи пока нанять приличное помещение в хорошем и удобном месте Города, отделать комнаты чисто, удобно для картин, но без малейшей роскоши, потому что помещение это должно быть только временное.

При галерее иметь одного надзирателя за жалованье или из любителей без жалованья, т. е. безвозмездно, но во всяком случае добросовестного, и иметь одного или двух сторожей. Отопление должно быть хозяина дома; освещения быть не может; итак, кроме платы сторожам, расходов быть не может.

Вход для публики без различия открыт с платою от 10 до 15 коп. серебром. Копировать дозволить всем безвозмездно.

Из сбора за вход, как бы ни была холодна наша публика к художественным произв., за исключением уплаты за квартиру и сторожам должна непременно оставаться какая-нибудь сумма, которая должна откладываться в запасный капитал галереи и приращаться процентами, сколько можно выгоднее.

Из завещаваемой мною суммы 150 000 р., как мной предполагается, уплатится за галерею Прянишникова, за устройство помещения, за квартиру за первое время; итак, как затем останется еще довольно значительный капитал, то я желал бы, чтобы составилось общество любителей художеств, но частное не от правительства и главное без чиновничества. Общество должно принять остаток капитала, заботиться, чтобы приращение его процентами было сколько возможно выгоднее. Общество же получает сбор на вход и делает необходимые расходы, но не иначе, как по согласию всего общества. Некоторые картины, по единодушному решению общества найденные недостойными находиться в галерее, продаются, и вырученные за них деньги поступают также в кассу общества.

Все решения общества производить баллотировкой.

Члены общества выбираются без платы, т. е. без взноса ими какой бы то ни было суммы потому, что члены должны выбираться действительные любители из всех сословий, но не по капиталу и не значению в обществе, а по знанию и пониманию ими изящных искусств или по истинному сочувствию им. Очень полезно выбирать в члены добросовестных художников.

Из капитала общества должно приобретать все особенно замечательные, редкие произведения русских художников, все равно какого бы времени они ни были. Но стараться приобретать выгодно и опять же с общего согласия всех членов.

Общество должно составить устав, которым бы оно могло руководствоваться и который бы был утвержден правительством, но без всякого вмешательства в дела и распоряжения общества.

Когда галерея московская приобретет довольно истинно замечательных произведений покупкою и, я смею надеяться, по крайней мере предполагаю так, если не уверен вполне, пожертвованиями других истинных любителей, даже, может быть, целые галереи будут переходить из частных домов в предполагаемую нами национальную или народную галерею, потом при начале галереи, может быть, принесут ей в дар некоторые художники что-нибудь из своих замечательных произведений (не замечательные же все должны быть проданы, как выше сказано было), тогда на остающийся капитал приобрести для помещения галереи приличный дом, устроить в нем удобное для вещей помещение с хорошим освещением, но без роскоши, потому что роскошная отделка не принесет пользы, напротив, невыгодна будет для художественных произведений.

Затем, если останется сумма, то ее и другие какие-либо доходы общества употребить на приобретение, как выше сказано, истинно замечательных художественных произведений.

Более всех обращаюсь с просьбой моей к брату Сергею; прошу вникнуть в смысл желания моего, не осмеять его, понять, что для доставляющего ни жены, ни детей и оставляющего мать, брата и сестру, вполне обеспеченных, для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствие.

Потом если предположение это состоится, то прошу брата Сергея быть членом общества и позаботиться о выполнении всех моих желаний относительно устройства общества.

Если в случае смерти моей после этого письма представлено будет второе, но в нем что-либо изменится против этого, то прошу поступить согласно последнего.

Из вышеозначенного капитала 266 180 р., исключая наследственный капитал 108 000 р. и на устройство н. галереи 150 000 р., останется его затем 8180 р. Этот капитал и что вновь приобретется торговлей на мой капитал прошу употребить на выдачу в замужество бедных невест, но за добропорядочных людей.

Более я ничего не желаю, прошу всех, перед кем согрешил, кого обидел, простить меня и не осудить моего распоряжения; потому будет довольно осуждающих и кроме вас, то хоть вы-то, дорогие мне, останьтесь на моей стороне.

Павел Третьяков. Варшава; 17/29 мая 1860 года».

Завещание это родным исполнить не пришлось. Павел Михайлович сам осуществил свою мечту – создал народную художественную галерею.

Интересные высказывания П. М. Третьякова можно встретить и в переписке с Верещагиным по поводу изображения современной им Русско-турецкой войны 1877–1878 годов за независимость Болгарии от Турции, войны, в которой Россия выступила на стороне Болгарии. Узнав от Стасова, что Верещагин собирается ехать на фронт, чтобы писать серию картин об этой войне, П. М. Третьяков писал Стасову: «Только может быть в далеком будущем будет оценена жертва, принесенная русским народом». Третьяков предлагал Верещагину уплатить вперед большую сумму за его работу: «Как ни странно приобретать коллекцию, не зная содержание ее, но Верещагин такой художник, что в этом случае на него можно положиться, тем более, что помещая в частные руки, он не будет связан выбором сюжетов и, наверное, будет проникнут духом принесенной народной жертвы и блестящих подвигов русских солдат и некоторых отдельных личностей, благодаря которым дело наше выгорело, несмотря на неумелость руководителей и глупость и подлость многих личностей». И, переходя к картине Верещагина «Пленные», Павел Михайлович замечает, что она «одна сама по

себе не представляет страницы из болгарской войны, подобные сцены могут быть и в Афганистане, да и во многих местах; я на нее смотрю как на преддверие в коллекцию».

Это письмо вызвало восторг Стасова, который считал его историческим в деле русского искусства.

Иного мнения был Верещагин: «Что касается Вашего письма к В. В. Стасову по поводу виденной Вами моей картины, то очевидно, что мы с Вами расходимся немного в оценке моих работ и очень много в их направлении. Передо мной, как перед художником, – Война, и я ее бью, сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны ли мои удары – это вопрос, вопрос моего таланта, но я бью с размаха и без пощады. Вас же, очевидно, занимает не столько вообще мировая идея войны, сколько ее частность, например, в данном случае "жертвы русского народа", блестящие подвиги русских солдат и некоторых отдельных личностей, поэтому и картина моя, Вами виденная, кажется Вам достойной быть только "преддверием будущей коллекции". Я же эту картину считаю одною из самых существенных из всех мною сделанных и имеющих быть сделанными. Признаюсь, я немного удивляюсь, как Вы, Павел Михайлович, как мне казалось, понявший мои туркестанские работы, могли рассчитывать найти во мне и то мирозерцание, и ту податливость, которые, очевидно, Вам так дороги...»

Помимо собирательства, Павел Михайлович Третьяков активно участвовал в благотворительной деятельности.

Он состоял почетным членом Общества любителей художеств и Музыкального общества со дня их основания, вносил солидные суммы, поддерживая все просветительские начинания. Оказывал материальную помощь отдельным художникам и Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества, с 1869 года являлся членом совета Московского попечительства о бедных. Был также членом советов Московского коммерческого и Александровского коммерческого училищ. Половину своих средств Павел Михайлович завещал на благотворительные цели: на устройство приюта для вдов, малолетних детей и незамужних дочерей умерших художников (был построен в 1909–1912 годах архитектором Н. С. Курдюковым в Лаврушинском переулке), для раздачи рабочим и служащим своих предприятий, а также на финансирование галереи. Принимал участие во всех пожертвованиях в помощь семьям солдат, погибших во время Крымской и Русско-турецкой (1877–1878 годов) войн. Стипендии П. М. Третьякова были установлены в коммерческих училищах – Московском и Александровском.

Павел Михайлович никогда не отказывал в денежной помощи художникам и прочим просителям, тщательно заботился о денежных делах живописцев, которые без страха вверяли ему свои сбережения. Он многократно ссужал деньги своему доброму советнику и консультанту И. Н. Крамскому, бескорыстно помогал В. Г. Худякову, К. А. Трутовскому, М. К. Клодту и многим другим.

Братьями – Павлом и Сергеем Третьяковыми было основано в Москве Арнольдо-Третьяковское училище для глухонемых. Павел Михайлович очень серьезно относился к своему детищу. История этого огромного среднего и высшего учебного заведения началась, как в сказке. Жил в Петербурге учитель математики по фамилии Арнольд. Был у него сын. Мальчик, когда ему исполнилось два года, упал, ушиб голову, отчего на одно ухо оглох совсем, а другим почти не слышал. Отец сам старательно занимался с ним, чтобы он не потерял речи. Молодой Арнольд получил образование за границей, вернулся в Россию и поступил на чиновничью службу. Получив после смерти отца небольшое наследство, он решил употребить его на пользу себе подобных – глухих и глухонемых. Он открыл маленькую школу, но в Петербурге уже было казенное училище, куда состоятельные люди отдавали за хорошую плату своих глухонемых детей для образования и воспитания. К Арнольду обращались люди неимущие, и дело его шло плохо. Тогда он решил перебраться в Москву, где в то время

такого училища не было. В 1850 году он купил в Химках две дачки и расположился в них со своими двенадцатью учениками. Но вскоре прогорел, и ему пришлось просить помощи у благотворителей. Так дошел он до московского городского головы Александра Алексеевича Щербатова. Тот свел Арнольда с П. М. Третьяковым и Д. П. Боткиным. Эти, в свою очередь, привлекли нескольких коммерсантов. В 1863 году был основан попечительный комитет.

В 1869 году попечительный комитет был утвержден, получил устав, училищу было присвоено название Арнольдовского. Вначале занятия с глухонемыми живой речью были поставлены довольно примитивно, и Павел Михайлович на свои средства отправил директора Д. К. Органова за границу ознакомиться с постановкой дела в аналогичных школах. Помимо общеобразовательных предметов, детям преподавались и ремесла. Училище, или, как его звали в обиходе, заведение глухонемых получило в собственность большой каменный дом с огромным садом, где учились и жили 156 учеников и учениц, а в начале 1890-х годов Павел Михайлович построил на свои средства больницу на 32 кровати.

Попечительство над училищем, начавшееся в 60-е годы, продолжалось в течение всей жизни Павла Михайловича и после его смерти. В своем завещании Павел Михайлович предусмотрел огромные капиталы для училища глухонемых. Мальчики и девочки воспитывались до 16 лет и выходили в жизнь, получив профессию. Третьяков подбирал лучших преподавателей, знакомился с методикой обучения, следил, чтобы воспитанников хорошо кормили и одевали. В каждый приезд в училище он обходил классы и мастерские в часы занятий, всегда присутствовал на экзаменах.

В 1871 году по инициативе Павла и Сергея Третьяковых был проложен проезд между Никольской улицей и Театральным проездом на месте существовавшего ранее, но застроенного в XVIII веке проезда. На участке, приобретенном Третьяковыми специально для устройства проезда, архитектор А. С. Каминский в 1870–1871 годах возвел два здания с проездными арками, обращенными на Никольскую улицу и на Театральный проезд; фасад здания со стороны Театрального проезда был встроен в Китайгородскую стену рядом с башней (1534–1538 годы) и решен в романтически-средневековом духе. Внутри проезда находились магазины. Подобное градостроительное решение уникально для Москвы. Новая конструкция получила название Третьяковского проезда.

Толковый словарь определяет благотворительность как «безвозмездные действия и поступки, направленные на общественную пользу». Применительно к жизни Павла Михайловича Третьякова хочется добавить: «и которые не забудутся никогда».

Характер Павла Михайловича сохранил некоторые черты, напоминающие о купеческих традициях семьи и личного опыта. К счастью для великого дела – создания галереи, он был совершенно бескорыстен, руководствовался интересами России и русской культуры, обращенными на пользу большого культурного начинания. Третьяков привык уважать данное раз слово и делал все для того, чтобы вести дела с художниками честно и открыто, внушая им веру в солидность и прочность предпринятого им дела – создания галереи русской живописи.

Все люди, знавшие П. М. Третьякова, поражались его колоссальной работоспособности. Рабочий день Павла Михайловича был заполнен до отказа. Служащий его фирмы А. Рихау вспоминал: «Павел Михайлович Третьяков прежде всего был замечательный труженик. Вставал он в 6 утра, наверное, одним из первых в Москве, и просиживал за делами иногда до часу ночи. Когда он успевал спать – оставалось загадкой... Я уверен, что он умер бы со скуки, если бы его заставили ничего не делать».

Следует заметить, что рабочий график Павла Михайловича оставался неизменным на протяжении всей его деятельности в качестве главы фирмы. Любопытно, что Павел Михайлович не имел отдельного кабинета, а сидел в той же комнате, что и старший бухгалтер.

Неизменным из года в год был не только режим дня Третьякова, но даже маршрут его ежедневных деловых поездок. Кучер говорил, что он зря получает жалованье: в пути не приходилось править вожжами. Лошадь знала, по каким улицам ехать, на каком перекрестке куда сворачивать. Она сама останавливалась у тех подъездов, где хозяин обычно выходил из экипажа.

П. М. Третьяков не только рано вставал, рано начинался и его рабочий день. Сам он очень любил поговорку: – «Заря деньгу родит. Спать долго – жить с долгом». В контору Павел Михайлович приходил вместе со служащими – в 9 часов утра. С 12 до 13 часов он делал часовой перерыв для завтрака и снова возвращался в контору. С 15 до 18 часов продолжались его деловые поездки. К 6 часам вечера Павел Михайлович всегда возвращался в контору, чтобы отпустить служащих. Задерживать их дольше того времени, за которое он платил им жалованье, Третьяков считал недопустимым.

Одним из важнейших постулатов деловой этики Павла Михайловича была принципиальность. Его убеждения никогда не расходились с поступками и в больших делах, и в мелочах. Критик В. В. Стасов писал Третьякову: «Я знаю Ваш рыцарски честный характер, сто раз видел, что Вы за человек». Все, кто знал Павла Михайловича, уважали его за точность, постоянство и верность данному обещанию. Возможно, тогда «время было другое», но Павел Михайлович Третьяков находил в себе силы всегда поступать «по совести», и это не мешало ему вполне успешно вести дела. Наоборот, его неизменная порядочность служила лучшим обеспечением заключаемых им сделок. И часто Третьяков говорил: «Мое слово крепче документа».

Третьяков был хозяином, «головой» своего дела в полном смысле слова, и это требовало от него абсолютной самоотдачи. Простое перечисление его повседневных дел уже впечатляет. П. М. Третьяков выставлял резолюции на всей корреспонденции; заслушивал доклады своих помощников и тут же принимал решение; сам пересматривал все поступившие в контору иностранные товары; подсчитывал путевые и таможенные расходы; назначал цены на экспортные товары; сам отбирал товары для посылки на ярмарки. Перед Пасхой, когда заканчивался торговый год, подводились итоги и подсчитывались все остатки товаров, Павел Михайлович сам все проверял и устанавливал цены. Он неизменно контролировал всю бухгалтерскую отчетность. Не было случая, чтобы Третьяков поехал, как мы выразились бы сегодня, «выбивать кредит» и вернулся с пустыми руками.

О Павле Михайловиче как о человеке строгом и требовательном в работе и одновременно очень внимательном, отзывчивом в отношении к своим служащим вспоминает Г. И. Дельцов. Он поступил в контору Третьякова в 1889 году, только что окончив Петропавловское училище, чтобы вести иностранную корреспонденцию. У него не было опыта в употреблении специальной торговой терминологии, поэтому Третьяков нередко делал ему замечания. Огорченный Дельцов решил подать заявление об уходе. По окончании рабочего дня Павел Михайлович вызвал его и мягко сказал: «Георгий Иванович, как же вам пришла в голову такая мысль? Ведь если вы будете обижаться на замечания, вы ничему не научитесь. Я говорю в вашу же пользу».

В своих «Воспоминаниях» один из служащих П. М. Третьякова – И. Раковский – отмечает, что в конторе неизменно царила самая дружеская атмосфера. В перерывах устраивались чтения вслух. Однажды П. М. Третьяков по просьбе своих служащих даже обратился к Софье Андреевне Толстой, чтобы она прислала им для прочтения еще не вышедшую тогда «Крейцерову сонату». Подобное единодушие между начальником и подчиненными в наши дни уже трудно себе представить...

Огромное впечатление на окружающих производила и неизменная вежливость Третьякова. Ко всем без исключения он обращался на «вы», а если бывал не прав, то обязательно извинялся. Павел Михайлович никогда не повышал голос на своих работников, поэтому они

все «из кожи вон лезли, чтобы сделать именно так, как он приказывал». Быть может, приказания Павла Михайловича исполнялись с такой охотой потому, что он ничего не делал необдуманно, ему совершенно несвойственно было полагаться «на авось».

П. М. Третьяков был удачливым купцом и промышленником, не склонным к лишним тратам. Однако, как вспоминает его дочь, «он иногда предпочитал переплатить, но купить товар у русского или знакомого торговца». Но такое выражение купеческой солидарности было уместно лишь в том случае, если товар у знакомого был не хуже, чем у конкурента. Например, когда в Москве появилась французская портниха, платья у которой выходили не в пример лучше, чем у ее русских конкуренток, Павел Михайлович решил, что его жена будет носить только лучшие туалеты, кто бы ей их ни шил.

В характере Третьякова сердечная отзывчивость и доброта сочетались с требовательностью, прямоотой, твердой деловой хваткой. Десятилетиями он материально поддерживал художников, помогал Крамскому, Перову, Ф. Васильеву и многим другим, их даже трудно перечислить; помогал во всех затруднительных жизненных ситуациях: Худякову, когда тот переезжал в Петербург, Трутовскому, когда его постигло личное горе – умерли жена и ребенок, М. К. Клодту, когда должны были продать его имение с аукциона. В то же время, покупая картины, он называл весьма умеренные цены, терпеливо торговался с авторами, иногда отказывался от слишком дорогих произведений, которые очень хотел приобрести, – берег деньги все для той же цели: собрать как можно больше произведений, представить русскую школу не только в лучших ее проявлениях, но и со всей возможной полнотой. Чуткость к искусству, всегдашняя искренность, готовность оказать материальную и нравственную поддержку, а главное, одушевлявшая Третьякова высокая цель снискали ему глубокое уважение и любовь художников. Все самое честное и передовое в искусстве того времени тянулось к Павлу Михайловичу, помогало ему. Некий молчаливый уговор художников о предоставлении права первого выбора Третьякову ставил его вне конкуренции с другими коллекционерами. Многолетние дружеские связи соединяли его с Крамским, Репиным, Перовым, Стасовым, Ярошенко, Максимовым, Поленовым, Суриковым, Прянишниковым и другими. Сам же Павел Михайлович был необычайно скромен. Когда в Москве был созван Первый съезд художников, названный в честь заслуг собирателя именем Третьякова, Павел Михайлович просто сбежал из Москвы, чтобы только избежать предстоящего чествования.

Когда Репин однажды сказал Третьякову, что какую-то картину тот купил зря, Павел Михайлович ответил ему: «Все, что я трачу и иногда бросаю на картину – мне постоянно кажется необходимо нужным; знаю, что мне легко ошибиться; все, что сделано – кончено, этого не поправить, но для будущего, как примеры, мне необходимо, нужно, чтобы вы мне указали, что брошено, то есть за какие вещи. Это останется между нами... Прошу вас, ради бога, сделайте это, мне это нужно больше, чем вы можете предполагать». В 1855 году П. М. Третьяков писал Репину: «Ради бога, не равняйте меня с любителями, всеми другими собирателями, приобретателями... не обижайтесь на меня за то, за что вправе обидеться на них».

П. М. Третьяков обладал большими организаторскими способностями. Это можно наглядно продемонстрировать на примере создания портретов русских писателей, ученых, композиторов.

Близко общаясь со многими художниками, известными композиторами, артистами, учеными, писателями, Третьяков задумал создать портретную галерею своих великих соотечественников, современников, сохранить их живые образы для будущих поколений. Павел Михайлович начал разыскивать и заказывать портреты по составленному списку. Он выкупал у наследников уже имеющиеся портреты именитых людей, а также заказал ряд портретов В. Г. Перову, И. Н. Крамскому, И. Е. Репину, Н. Н. Ге и другим мастерам портретной живописи. Так Третьяков заказал портрет Писемского – Перову, Гончарова – Крамскому,

добился приобретения портрета Гоголя работы Моллера, заказал портрет А. Н. Островского – Перову, Шевченко – Крамскому, его же попросил написать портреты Грибоедова, Фон-визина, Кольцова и художника Васильева, заказал портрет Тургенева – Гуну и дважды тот же портрет Репину; затем еще раз поручил Перову портрет Тургенева, а также портреты Достоевского, Майкова, Даля; Крамскому предлагал писать Толстого, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Аксакова; заказал Репину портреты Тютчева, Пирогова, Толстого; приобрел у Ге портрет Герцена и т. д.

Создания портретов великих людей России Павел Михайлович добивался с поразительной настойчивостью и терпением. Он советовал с близко знающими их людьми и перепоручал портрет по несколько раз, если он его не удовлетворял сходством или качеством живописи. Третьяков следил даже за местонахождением тех или иных престарелых известных русских писателей и уговаривал художников отыскать их и создать портреты. Так, Третьяков напоминал Репину, находящемуся за границей, что поблизости от него «живет наш известный поэт Вяземский, старик 95 лет. Тут также надо взглянуть с патриотической стороны. Если да – то я узнаю его адрес и сообщу Вам». Такое высокое понимание роли национальной русской живописи, призванной увековечить видных людей русской науки, искусства и литературы, характерно для П. М. Третьякова, полного веры в торжество не только русской живописи, но и всей русской культуры. При этом, выбирая лиц для портретирования, Третьяков прежде всего выдвигал прогрессивных писателей-реалистов, прославивших русскую литературу во всем мире.

Первоначально собрание Павла Михайловича Третьякова размещалось в небольшом двухэтажном доме Третьяковых в Лаврушинском переулке. Быстрое пополнение коллекции побудило владельца задуматься о сооружении специального музейного здания. В 1872–1874 годах к дому была сделана первая пристройка специально для музея, а в дальнейшем, по мере увеличения коллекции, Павел Михайлович трижды расширял свою галерею. Так в старом замоскворецком переулке выросло одно из первых в России специализированных зданий для размещения художественного собрания.

Для посетителей музей открылся в 1881 году. Вход был бесплатным, полотна разрешалось копировать. В одном зале соседствовали картины разных художников и разных эпох, иногда они висели в пять-шесть рядов: коллекционер никогда не держал произведения в запасниках. Работы художников не делились на главные и второстепенные: каждая из них считалась уникальной. Павел Михайлович знал в галерее все вплоть до последнего гвоздя, которым холст прибавлялся к подрамнику. Он сам покрывал картины лаком и выполнял первые реставрации.

Давно мечтавший о превращении личной коллекции в общенациональное достояние, П. М. Третьяков в августе 1892 года (после смерти брата Сергея) решил передать свою коллекцию в дар Москве. В том же году, выполняя волю умершего брата, он присоединил к этому дару и его собрание русской и западно-европейской живописи. По описи в коллекции Сергея Михайловича Третьякова, сделанной в 1892 году, значилось 75 картин западно-европейских художников, 8 рисунков, а также несколько картин и скульптур русской школы. Она была перевезена в Лаврушинский переулок и первоначально размещалась в одном из залов, а в 1898-м выставлена в двух специально для нее пристроенных залах. В 1925 году картины в основном были переданы в Музей изящных искусств, несколько – в Эрмитаж.

Третьяков обратился в городскую думу с просьбой принять его подарок. «Озабочиваясь, с одной стороны, скорейшим выполнением воли моего любезнейшего брата, а с другой – желая способствовать... процветанию искусств в России и вместе с тем сохранить на вечные времена собранную мною коллекцию, ныне же приношу в дар Московской городской думе». 15 сентября 1892 года дума приняла дар, присвоив галерее имя братьев Третьяковых. Дар коллекционера (1287 живописных произведений, 518 рисунков, 9 скульптурных работ рус-

ских художников, 75 картин и 8 рисунков французских и немецких художников) был оценен в один миллион четыреста двадцать девять рублей, что по тем временам считалось огромным состоянием. Это был внушительный итог 35-летнего собирательства. 15 августа 1893 года «Московская городская галерея имени братьев Третьяковых» торжественно открыла свои двери.

Стоит несколько слов сказать и о брате Павла Михайловича – Сергее Третьякове. При жизни этот человек был куда известнее и намного богаче своего брата, никогда не стеснял себя в средствах. Сергей Михайлович был известным московским общественным деятелем, старшиной купеческого сословия (1863–1867 годы), городским головой (1877–1881 годы). «За отличную и усердную службу» ему был пожалован чин статского советника, а за устройство в Москве Всероссийской промышленно-художественной выставки в 1882 году – чин действительного статского советника. Сергей Михайлович оказывал всяческое содействие благоустройству Москвы. Он жертвовал крупные суммы на детские приюты, больницы, училища, выкупил для города из казны Сокольничью рошу. Состоял членом московского отделения Русского музыкального общества (в 1869–1889 годах был его председателем), Московского художественного общества. В 1881–1887 годах на свои средства издавал «Художественный журнал». Участвовал в подготовке Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 года в Москве. В юности увлекался музыкой, брал уроки пения; близким другом братьев Третьяковых был Н. Г. Рубинштейн. Согласно его завещанию значительная сумма (125 тысяч рублей) шла на расширение коллекции брата.

Условий дарения Павел Михайлович Третьяков назвал несколько: он пожизненно остается попечителем галереи и продолжит пополнение собрания картин, а галерея должна быть «открыта на вечное время для бесплатного обозрения всеми желающими».

Дар братьев Третьяковых родному городу явился событием огромной важности и для Москвы, и для культурной жизни всей страны. Современники по достоинству оценили его, откликнувшись множеством приветствий создателю музея. К открытию галереи был приурочен 1-й Всероссийский съезд художников. Передвижники, творческие искания которых Третьяков самоотверженно поддерживал многие годы, писали в адресе собирателю: «Весть о Вашем пожертвовании давно уже облетела Россию и во всяком, кому дороги интересы русского просвещения, вызвала живейшую радость и удивление значительности принесенных Вами на его пользу усилий и жертв».

Газета «Новости» писала тогда: «Говорят, будто по покупной цене картин Третьяковская галерея стоит 1,5 миллиона рублей. Подите-ка, купите ее теперь по этой цене! Ей, милостивые государи, нет теперь цены! Она является беспримерным и бесценным художественным собранием».

Передачу Галереи городу Павел Михайлович хотел произвести как можно более тихо, не желая быть центром общего внимания и объектом благодарности. Ему это не удалось, и он был очень недоволен. Третьякова особенно огорчил собранный в Москве съезд художников, на который он не пошел, и статья В. В. Стасова в «Русской старине». Эта статья появилась в декабрьской книжке 1893 года и произвела большое впечатление. В ней впервые было обрисовано то значение, которое имело третьяковское собирательство картин для развития русского искусства и, в частности, живописи. Вот как характеризует Стасов Третьякова как собирателя: «С гидом и картой в руках, ревностно и тщательно пересмотрел он почти все европейские музеи, переезжая из одной большой столицы в другую, из одного маленького итальянского, голландского и немецкого городка в другой. И он сделался настоящим, глубоким и тонким знатоком живописи. И все-таки он не терял главную цель из виду, он не переставал заботиться всего более о русской школе. От этого его картинная галерея так мало похожа на другие русские наши галереи. Она не есть случайное собрание картин, она есть

результат знания, соображений, строгого взвешивания и всего более, глубокой любви к своему дорогому делу».

Третьяков продолжал пополнять собрание. Например, в 1894 году он передал галерее 30 картин, 12 рисунков и мраморную статую «Христианская мученица» работы М. М. Антокольского; занимался изучением коллекции, с 1893 года издавал ее каталог (с 1896 года – под названием «Каталог художественных произведений Городской галереи Павла и Сергея Третьяковых»).

Но, несмотря на грандиозность и значимость предпринятого дела, Павлу Михайловичу были присущи сдержанность и некоторая замкнутость. Даже его обширная переписка не дает исчерпывающего представления о вкусах, мнениях и взглядах этого человека. Но некоторые факты могут показаться интересными.

Третьяков избегал встреч только с двумя категориями представителей власти – светской и духовной. Однажды ему сообщили, что в галерею прибудет Иоанн Кронштадский. Популярность этого священнослужителя среди верующих была огромной, многие считали его святым. В день посещения галереи Иоанном Кронштадским Третьяков ранним утром уехал в Кострому, на свою фабрику: «Скажите, что меня экстренно вызвали по делам фирмы на несколько дней».

Был только один визит высокого гостя, когда Павла Михайловича все-таки вынудили присутствовать при осмотре его коллекции: в 1893 году галерею посетил Александр III с супругой. Их сопровождали министры граф С. Ю. Витте, граф И. И. Воронцов-Дашков и президент Академии художеств, брат царя Великий князь Владимир Александрович.

Одним из отличительных качеств Третьякова была его неприязнь ко всякого рода политической рекламе, чинам и званиям. Павел Михайлович неоднократно отказывался от торжественного празднования основанных им благотворительных учреждений. Пожалование званий также вызывало в нем только раздражение. В одном из его писем жене можно найти следующие слова: «Я был бы в самом хорошем настроении, если бы не неприятное для меня производство в Коммерции Советники, от которого я несколько лет отказывался и не мог отделаться. Теперь меня уже все, кто прочел в газетах, поздравляют, и меня это злит. Я, разумеется, никогда не буду употреблять это звание, но кто поверит, что я говорю это искренне».

Когда же П. М. Третьякову сообщили о пожаловании ему императором Александром III дворянства, то речь шла уже не о нелюбви к чинам, а о вошедшей в поговорку купеческой гордости. Третьяков ответил: «Очень благодарен Его Величеству за великую честь, но от звания дворянина отказываюсь... Я родился купцом, купцом и умру».

Естественно, П. М. Третьяков пользовался огромным общественным уважением. В наши дни, когда большинство простых людей по меньшей мере настороженно относится к предпринимателям, следующая сцена кажется почти невероятной. Е. К. Дмитриева вспоминает: «Как-то мой муж ехал на извозчике по Мясницкой. Впереди он обратил внимание на кого-то, едущего на плохой лошадке, в стареньких санках... вид кучера какой-то неказистый, а самого седока почти не было видно за большим поднятым воротником шубы – однако все встречные, и на хороших рысках, и просто прохожие... только увидя встречную скромную фигуру, усиленно все кланяются. Мужа это заинтересовало – кто же это, заслуживающий такого почета? Он попросил извозчика обогнать впереди едущего, и, когда обогнали, муж мой оглянулся и с восхищением увидел Павла Михайловича. Обеими руками он снял шапку и как можно низко поклонился Павлу Михайловичу – великому создателю Третьяковской галереи».

В конце ноября 1898 года Третьяков слег, началось обострение язвы желудка. Он отказался от консилиума врачей. Скрывая свои страдания от близких, каждое утро вызывал к себе служащих галереи и торговой конторы с докладами. О галерее он думал и в свое послед-

нее утро 4 декабря 1898 года. Молча выслушав сообщения, Павел Михайлович угасающим голосом произнес: «Берегите галерею...» и тотчас умер. Эти слова были последними.

Похоронили П. М. Третьякова на Даниловском кладбище. А в 1948 году прах был перенесен на Новодевичье кладбище. В. В. Стасов в некрологе на смерть Павла Михайловича писал, что Третьяков умер знаменитым не только на всю Россию, но и на всю Европу: «Приедет ли в Москву человек из Архангельска или из Астрахани, из Крыма, с Кавказа или с Амура – он тут же назначает себе день и час, когда ему надо, непременно надо, идти на Замоскворечье, в Лаврушинский переулок, и посмотреть с восторгом, умилением и благодарностью весь тот ряд сокровищ, которые были накоплены этим удивительным человеком в течение всей его жизни».

После смерти Павла Михайловича Третьякова, галерея, по его завещанию, отошла в собственность города Москвы. В июне 1899 года Московской городской думой был создан попечительский совет – коллегиальный орган по управлению Галереей. Кроме Городского головы, князя В. М. Голицына (председателя совета), в него вошли В. А. Серов – от российских художников, И. С. Остроухов и И. Е. Цветков – от московских коллекционеров. Семью основателя представляла вторая дочь Третьякова, Александра Павловна Боткина.

Главной своей целью совет видел пополнение коллекции. Приобретались как произведения старого, так и нового искусства. Члены совета пристальное внимание уделяли приобретению картин современных художников. Их интересовало творчество молодых петербуржцев, создавших в 1898 году объединение «Мир искусства», москвичей из Союза русских художников, экспонентов выставки «Голубая роза». За первые три года существования совета в собрании прибавилось около семидесяти произведений. Во времена попечительства И. С. Остроухова в Галерее существенно расширился раздел, посвященный портретам, кисти живописцев XVIII века. Но вновь поступающие работы размещались отдельно от основного собрания – в залах, которые специально отстраивались в бывшем жилом доме Третьякова.

Во время реконструкции 1900–1905 годов музейные здания обрели новые фасады, выполненные по проекту В. М. Васнецова в «русском стиле». Главный фасад с изображением Георгия Победоносца стал символом Третьяковской галереи. Неудобства, связанные со строительством, не мешали все более растущему потоку посетителей: за один только 1903 год в Галерее побывало 130 548 человек.

В 1899 году наследники Павла Михайловича передали совету завещанные Галерее 62 иконы, которые были тщательно изучены известным византологом и специалистом по древнерусскому искусству Н. П. Лихачевым. На основе проведенной им атрибуции в 1904 году была создана экспозиция икон. В ее устройстве принимали участие профессор Н. П. Кондаков, художник В. М. Васнецов, члены совета Галереи И. Е. Цветков и И. С. Остроухов.

К 1911 году стало ясно, что экспозиции необходима коренная перестройка. Московская городская дума в 1913 году избрала попечителем Третьяковской галереи Игоря Эммануиловича Грабаря, художника, архитектора и историка искусства. В Совет вошли Р. И. Клейн и А. П. Ланговой, от семьи основателя – старшая дочь, Вера Павловна Зилоти, а из прежнего состава остался князь Сергей Александрович Щербатов, живописец и коллекционер.

В 1913–1915 годах Грабарь полностью изменил экспозицию. Объединив старое третьяковское и новое собрания, он разместил картины каждого художника в одном зале или на одной стене, расположив художественный материал в хронологическом порядке. Экспозиционный маршрут начинался с древнерусского искусства и в соответствии с хронологической последовательностью важнейших этапов развития русской живописи шел по кольцу залов вплоть до произведений художников 1900-х годов. Таким образом Грабарь впервые в отечественной практике использовал историко-монографический принцип, который и в

настоящее время остается главным в построении музейных экспозиций художественных музеев России.

Основные итоги перестройки и комплектования музея получили отражение в первом научном описании собрания – каталоге Галереи, изданном в 1917 году. В нем не только фиксировался состав собрания, это был еще и путеводитель по новой экспозиции. Здесь впервые появились очерки о Павле и Сергее Третьяковых и истории Галереи. Каталог включал новый план расположения экспозиции и залов, давал четкую схему развития русского искусства. В это же время была создана постоянная реставрационная мастерская.

Во время Октябрьской революции и Гражданской войны многие владельцы художественных ценностей, считая Третьяковскую галерею единственным надежным местом, временно размещали там свои коллекции. Но вскоре, 3 июня 1918 года, Третьяковская галерея была объявлена «государственной собственностью Российской Федеративной Советской Республики». Так в галерее оказались частные собрания Е. В. Борисовой-Мусатовой, М. П. Рябушинского, В. О. Гиршмана и других. Национализированный музей получил название Государственная Третьяковская галерея. Первым ее директором стал И. Э. Грабарь.

В середине 1920-х годов в Галерее был организован методико-просветительский отдел, который занялся экскурсионным и лекционным делом, что с тех пор стало одним из важнейших направлений музейной работы. Отдел начал выпускать краткие путеводители, адресованные самой широкой аудитории. Среди первых его изданий был сборник «Изучение музейного зрителя» – возможно, единственный в то время.

В это же время к Третьяковской галерее присоединили коллекции несколько музеев, в том числе Цветковская галерея (в основном произведения графики), Музей иконописи и живописи имени И. С. Остроухова, собрания русской живописи из Румянцевского музея (где, в частности, находилась картина А. А. Иванова «Явление Христа народу»), Пролетарский музей Рогожско-Симоновского района, часть коллекции которого составляло собрание И. С. Исаджаква. В 1925 году собрание западно-европейской живописи С. М. Третьякова было передано в Музей изящных искусств, ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Такие шедевры живописи, как Владимирская икона Божьей Матери и «Троица» Андрея Рублева, поступили в Третьяковскую галерею из Успенского собора Московского Кремля. Продолжались и закупки, в основном приобретались произведения советских художников.

Постоянно увеличивавшиеся коллекции требовали расширения галереи. В 1929 году к музею присоединили дом Соколова, расположенный рядом с галереей, а в 1935–1936 годах по проекту архитектора Щусева возвели новый корпус в правой части музейного комплекса.

Грандиозная реконструкция Третьяковской галереи в Лаврушинском переулке связана с именем директора Третьяковской галереи Юрия Константиновича Королева (1929–1992). За успешное выполнение этого задания в 1995 году Ю. К. Королев (посмертно) и авторский коллектив были удостоены Государственной премии Российской Федерации.

В январе 1986 года Третьяковская галерея в Лаврушинском переулке закрылась для посетителей. В специально оборудованный депозитарий (хранилище экспонатов), пристроенный в 1985 году с северной стороны исторического здания, перенесли произведения из экспозиции и ее запасника.

В том же 1985-м Государственная картинная галерея, располагавшаяся на Крымском валу, была объединена с Третьяковской галереей в единый музейный комплекс с сохранением исторического названия – Государственная Третьяковская галерея. В здание на Крымском валу для экспонирования и хранения перевезли произведения живописи, графики и скульптуры, созданные после 1917 года.

Новое музейное здание на Крымском валу собирались разместить еще в 1956 году, когда отмечалось столетие Галереи. Место было выбрано напротив Центрального парка культуры и отдыха имени А. М. Горького на берегу Москвы-реки недалеко от Кремля и исторического дома в Голутвине, где в 1832 году родился П. М. Третьяков. Закончить стройку планировали в 1961-м и полностью перевести сюда все коллекции Галереи.

Но в 1959 году решением правительства проектируемое здание было закреплено за вновь созданной Государственной картинной галереей СССР. В 1962 году последовало объединение Картинной галереи СССР и Выставочных залов Союза художников (ныне Центральный Дом художника). Новый проект, выполненный в мастерской имени И. В. Жолтовского (архитекторы Ю. Шевердяев, Н. Сукоян, М. Круглов и другие), был утвержден в 1962-м, а строительство начато в 1965 году.

Гигантские выставочные площади (более 12 тысяч квадратных метров), анфилады просторных залов, предусматривающие разнообразные трансформации площадей и объемов для развески, единое пространство вестибюля, лестничных маршей и антресолей, огромные окна, открывающие эффектные панорамы на Кремль, Москву-реку и парк, – все это таило интересные экспозиционные возможности.

Заккрытие основного здания галереи в Лаврушинском переулке «переадресовало» посетителей в помещение на Крымском валу. Перед зрителями открывалась основная экспозиция – широкая картина творческого наследия отечественных мастеров, работавших в 1920—1960-е годы.

В 1987 году была показана выставка произведений Д. Г. Левицкого, организованная Государственной Третьяковской галереей и Русским музеем при поддержке других музеев СССР. А потом пошла череда выставок художников русского авангарда: 1989 год – В. В. Кандинского, К. С. Малевича, 1990 год – Л. С. Поповой, А. С. Голубкиной, П. Н. Филонова, Эль Лисицкого, 1991 год – «Шагал в России», «Русский модерн», 1992-й – «С. И. Мамонтов и русская художественная культура», А. И. Куинджи, В. В. Верещагин. В 1994 году состоялись выставки работ В. Е. Татлина, И. Е. Репина и В. Д. Поленова.

Огромные толпы посетителей собрала «Выставка произведений из собрания Арманда Хаммера» (1986); администрации Галереи даже пришлось пойти на организацию двухчасовых сеансов для ее просмотра.

Строительные работы в Лаврушинском были начаты еще в 1983 году. Через два года введен в строй депозитарий. Там же расположились и реставрационные мастерские Государственной Третьяковской галереи.

А в 1986 году настало время приступить к реконструкции основного здания Третьяковской галереи. Авторы проекта (архитекторы И. М. Виноградский, Г. В. Астафьев, Б. А. Климов и другие) своей главной задачей считали сохранить облик исторического ансамбля. Центр комплекса – основной дом и «шусевский корпус» – были расширены за счет застройки двух внутренних дворов. Здесь разместились основная экспозиция.

В 1989 году был построен еще один новый корпус, уже с южной стороны от основного здания. Он предназначался для выставочных залов, конференц-зала, информационно-вычислительного центра, детской изостудии. В этом же здании находится большая часть инженерных систем и служб, поэтому оно получило название «Инженерный корпус».

Принципиальной особенностью проекта было включение в музейный ансамбль храма Святителя Николая в Толмачах (памятник архитектуры XVII века). Ныне он восстановлен, освящен и действует в статусе домового храма-музея при Третьяковской галерее.

В 1986 году к Галерее на правах отделов был присоединен ряд мемориальных московских музеев: Дом-музей П. Д. Корина, Дом-музей В. М. Васнецова, Музей-квартира А. М. Васнецова, Музей-мастерская А. С. Голубкиной. В связи с этим Галерея получила статус Всесоюзного музейного объединения (с 1994 года – Всероссийское).

В апреле 1995 года для посетителей открылась обновленная экспозиция классического русского искусства в Лаврушинском переулке. Традиционный маршрут и расположение материалов были во многом сохранены. В новом-старом доме Третьяковской галереи стало возможным значительно расширить экспозицию древнерусского искусства, выделить залы для скульптуры XVIII – первой половины XIX века и рубежа XIX–XX веков. Требуемая особая световая среда графика теперь демонстрируется в специально оборудованных залах, появилась «Сокровищница», где можно увидеть произведения прикладного древнерусского искусства, миниатюры, иконы в драгоценных окладах.

Застройка внутренних двориков дала возможность создать новые залы для картин К. П. Брюллова, А. А. Иванова, И. Н. Крамского, А. И. Куинджи. Самый большой из них был специально спроектирован для огромного декоративного панно «Принцесса Греза» М. А. Врубеля (1896), поступившего в галерею в 1956 году из Государственного академического Большого театра СССР.

Еще в 1953 году из Большого дворца Московского Кремля было передано пятиметровое полотно И. Е. Репина «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве» (1886), которое писалось по «высочайшему» заказу. Оно также включено в новую экспозицию.

Многие коллекционеры дарили Галерею произведения искусства, продолжая традицию ее основателя – П. М. Третьякова. Музей всегда с благодарностью принимал и принимает как отдельные работы, так и коллекции из частных собраний.

Пополнение коллекции музея происходит также благодаря Обществу друзей Третьяковской галереи, образованному в 1995 году. Оно объединяет индивидуальных и корпоративных членов, оказывающих музею благотворительную помощь в реализации самых разных проектов, в том числе в приобретении произведений искусства.

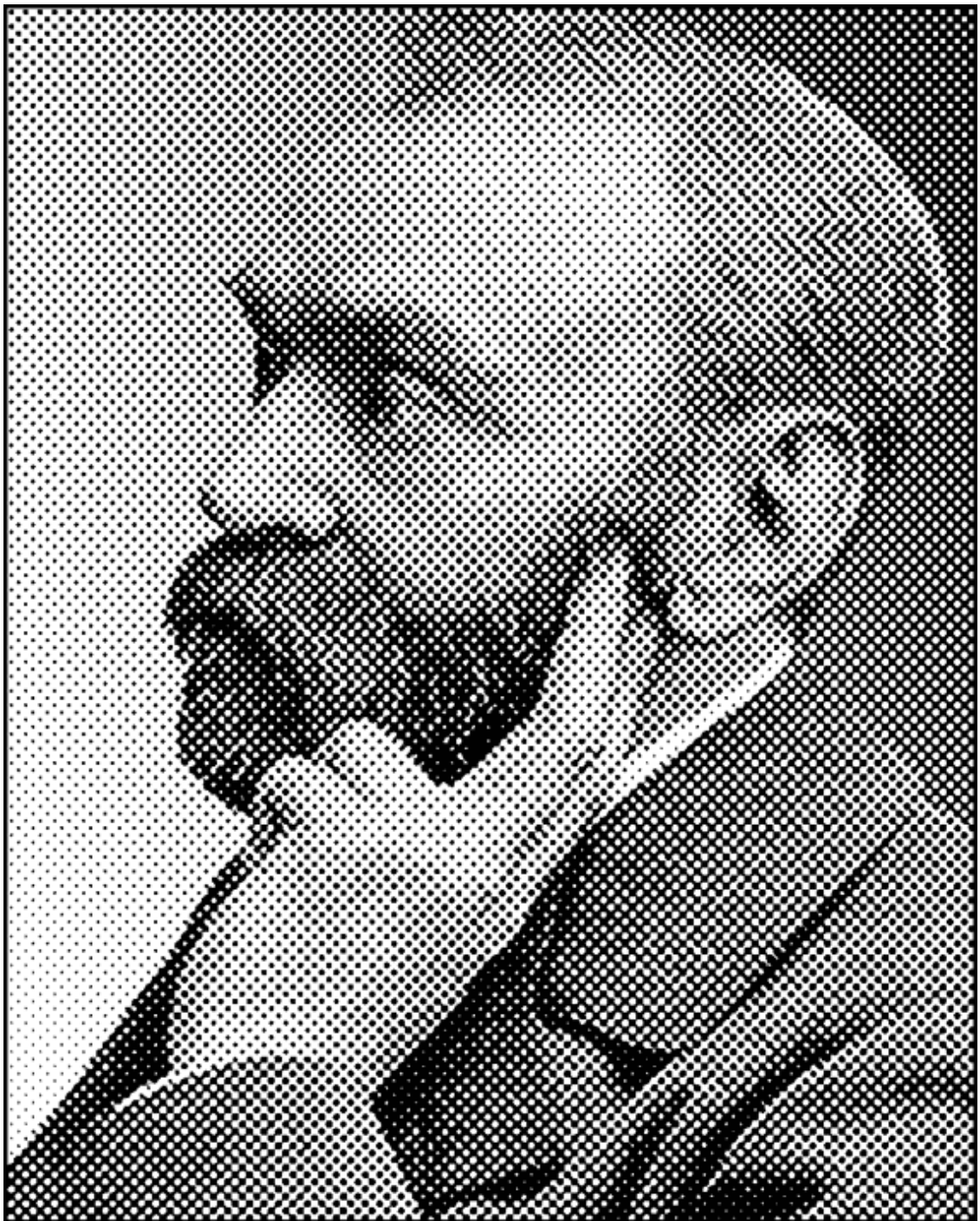
В сентябре 1996 года был воссоздан попечительский совет Государственной Третьяковской галереи, председателем которого стал мэр Москвы Ю. М. Лужков.

В декабре 1998 года в здании Третьяковской галереи на Крымском валу была открыта первая часть новой экспозиции «Искусство XX века», охватывающая период от рубежа веков до послевоенного времени. В мае 2000 года последовало ее завершение: от середины 1950-х годов до конца 1990-х. Таким образом, сегодня в залах Галереи наиболее полно представлена панорама русской культуры прошлого столетия впервые за многие десятилетия развития музейного дела в России.

В 2006 году Государственная Третьяковская галерея собирается отметить свое 150-летие. Этому событию будут посвящены специальные выставки, издания, проект «Третьяковские встречи», программы для детей и многое другое.

Нынешнее собрание Третьяковской галереи насчитывает более 100 тысяч произведений и делится на несколько разделов: древнерусское искусство XII–XVIII веков – иконы, скульптура, мелкая пластика, прикладное искусство (около 5 тысяч экспонатов); живопись XVIII – первой половины XIX века, второй половины XIX века и рубежа XIX и XX веков (около 7 тысяч произведений); русская графика XVIII – начала XX века (свыше 30 тысяч произведений); русская скульптура XVIII – начала XX века (около 1000 экспонатов); коллекция старых антикварных рам, мебели, прикладного искусства и огромный раздел (более половины всей коллекции) послереволюционной живописи, скульптуры и графики, размещающийся в помещениях на Крымском валу.

Нобель Альфред Бернхард

Как у открытий, так и у людей, свои судьбы. Одни с самого начала становятся баловнями судьбы, другие же входят в мир незаметно и долго остаются в тени. А бывает ли золотая середина? Оказывается, да. И подтверждение этому – жизнь и творчество основателя громадной промышленной империи, доктора философии, академика, учредителя премии, увековечившей его имя в человеческой памяти (список заслуг может быть продолжен), – Альфреда Нобеля.

Облик Нобеля действительно сплетен из противоречий. Швед, почти никогда не живший в Швеции; инженер, не учившийся в школе; академик, не публиковавший научных

работ; мечтатель с проницательностью и расчетливостью прирожденного дельца; глава мирового концерна, отдавший свое состояние человечеству; владелец пороховых заводов, завещавший средства на премии мира...

Головокружительная карьера Альфреда Нобеля становится еще более значительной, если обратиться к скромным истокам его фамилии, которая имеет крестьянское происхождение. Нобель – это совсем не шведская фамилия, и она звучит странно для уха его соотечественников – Карлссонов, Андерссонов и Юханссонов. Слово «нобель», заимствованное из латыни, означает «благородный, знатный», но совпадение это чисто случайно. В свое время одному из предков Альфреда, Петеру Олофссону, талантливому сыну крестьянина из местечка Ноббелев, удалось попасть в университет. Гордый своим успехом, он, по обыкновению образованных людей того времени, принял латинизированное имя Нобелиус – по названию своего родного местечка. Дед Альфреда, цирюльник-кровопускатель, укоротил свою фамилию в 1775 году. Его старший сын, Эммануил (1801–1872), стал отцом Альфреда. В 1827 году он женился на Каролине Андриетте Алсель (1803–1879) и у них родилось восемь детей, только трое из которых дожили до юношеских лет: Роберт, Людвиг и Альфред.

Альфред Бернхард Нобель (с ударением на последнем слоге) родился в 1833 году в Стокгольме и стал четвертым ребенком в семье.

Его родители были людьми, на долю которых выпало все – и успех, и поражение. Эммануил Нобель был одаренным механиком, чертежником, изобретателем. Он мог бы стать и хорошим архитектором, но в 1833 году молодая семья попала в полосу неудач. Несчастья посыпались одно за другим. В этот год дом и имущество семейства Нобелей сгорели дотла. В огне погибли деньги, облигации, бесчисленные патенты... Это было знамением.

Когда пожар уничтожил дом Нобелей, они переселились в более чем скромную квартиру на Норлендсгартен в северной части Стокгольма.

Испытания, выпавшие на долю семьи, навсегда запечатлелись в памяти юного Альфреда.

После неудачных попыток организовать свое дело по производству эластичной ткани для Эммануила Нобеля наступили тяжелые времена. И в 1837 году, оставив семью в Швеции, он уехал от кредиторов сначала в Финляндию, а оттуда – в Санкт-Петербург, где довольно активно занялся производством заряжаемых порошковыми взрывчатыми составами мин, токарных станков и станочных принадлежностей. Андриетта осталась в Швеции с детьми – Робертом, Людвигом и Альфредом. Это были времена тяжелых испытаний. На те скудные средства, которые удалось занять у друзей и родственников, Андриетта открыла маленькую зеленую лавку, а два старших сына, Людвиг и Рудольф, чтобы хоть как-то свести концы с концами, торговали на углу спичками, словно герои сказок Андерсена. Альфреду к тому времени едва исполнился год – тридцать лет спустя он уверял, что помнит пожар в самых мельчайших подробностях: гудящее пламя, оранжевые искры и отец, которого удерживали два дюжих пожарных, чтобы он не ринулся в огонь.

В конце концов от отца из России пришли хорошие новости: Эммануил сумел-таки убедить российские власти в достоинствах изобретенных им мин. В 1841 году Нобель-старший получил от российского правительства 40 тысяч рублей за изготовленные им на небольшом заводике сухопутные мины. России пригодились все: и разработанная им система водяного отопления, и опыт в станкостроении, и его главное изобретение – «заряд пороха, помещенный в металлический корпус», или попросту мина. Он наладил выпуск шпал, ружей и кораблей с паровым двигателем.

В октябре 1842 года, когда Альфреду было 9 лет, вся семья вновь смогла воссоединиться в Санкт-Петербурге. Эммануил Нобель стал богатым человеком. Он жил в большом собственном доме, четверо его сыновей получили блестящее домашнее образование под руководством лучших шведских и русских учителей. Но богатство не могло вернуть здоро-

вье Альфреду. Лишенный из-за болезни возможности ходить в школу и играть со своими сверстниками, он привык к одиночеству, которое стало его уделом. В нем развилась сдержанность, переходящая в замкнутость – черта характера, которую он сохранил на всю жизнь. Слабое здоровье, однако, не мешало ему учиться с невероятным упорством. Он читал все, что попадало на глаза, и в неутомимой способности к работе не знал себе равных. С особым увлечением Альфред занимался химией – может быть, потому, что брал уроки у самого Зинина, прославленного ученого, ставшего впоследствии членом Российской и многих иностранных академий. К семнадцати годам Альфред мог свободно говорить на пяти языках: шведском, русском, английском, французском и немецком.

Очень скоро юноша проявил свои технические способности, но при этом был и большим любителем литературного чтения. Когда Альфред занялся поэзией всерьез и заявил, что хочет стать писателем, он встретил стойкое противодействие со стороны отца. В планах Эммануила Нобеля не было места сыну-литератору: он хотел видеть Альфреда изобретателем и технологом. Длительное зарубежное путешествие – вот то искушение, против которого не устоял юноша.

В 1850 году, когда Альфред достиг 17-летнего возраста, он совершил продолжительное путешествие по Европе, во время которого посетил Германию, Францию, а затем Соединенные Штаты Америки. По условиям, поставленным отцом, он смог отправиться в дальние страны, лишь дав обещание забыть о карьере писателя. Однако Нобель-старший так и не смог погасить огонь, пылавший в сердце сына: Альфред продолжал сочинять стихи. Но, даже став знаменитостью, он не рискнул обнародовать свои сочинения и в конце концов сжег все, что написал. Лишь в возрасте 63 лет Альфред Нобель опубликовал свою пьесу «Немесис», возможно, лишь потому, что почувствовал: жизнь подходит к концу, а его литературные мечты так и остаются несбывшимися.

В Париже Альфред Нобель продолжил изучение химии в лаборатории Пелуза. Жюль-Теофиль Пелуз, ученик Гей-Люссака, был одним из крупнейших химиков своего времени. Его шеститомный курс общей химии был настольной книгой для студентов и профессоров. В его частную лабораторию из разных стран мира приезжали работать и учиться многие талантливые химики, ставшие впоследствии знаменитыми. Пелуз впервые установил химическую природу глицерина. Он много работал со взрывчатыми веществами и вслед за Лавуазье и Гей-Люссаком занял пост консультанта Управления порохов и селитр Франции.

В лаборатории Пелуза Альфред познакомился с нитроглицерином и его замечательными свойствами. Это событие в значительной мере определило его жизненный путь: почти все крупнейшие изобретения и открытия Нобеля связаны с нитроглицерином. Эта удивительная жидкость впервые была получена итальянским химиком Асканио Собrero (также учеником Пелуза) в 1846 году действием азотной кислоты на глицерин. История его изобретения была самой обычной – кто-то случайно подогрел смесь серной и азотной кислот, и пробирка взорвалась. Потом Асканио Собrero добавил в эту же смесь немного глицерина и назвал вещество нитроглицерином. Итальянец не смог найти применения своему изобретению в военном деле. Собrero не нашел ничего лучше, как прописывать нитроглицерин сердечникам – «патентованное средство, по две капли на стакан воды для облегчения приступов». Эта жидкость была даже похожа на глицерин: такая же маслянистая и сладковатая на вкус. Однако уже от нескольких капель начинало сильно стучать сердце и болеть голова (лишь спустя сорок лет, в 1885 году, Британская Фармакопея официально признала нитроглицерин лекарственным препаратом). Пройдут многие десятилетия, сотни новых веществ получают химики, но ни одно из них не сможет сравниться по своей мощи с нитроглицерином. К сожалению, и по своей чувствительности к взрыву он уступает разве лишь гремучей ртути. Он чрезвычайно опасен. Его нельзя нагревать, опасно встряхивать, он легко взрывается даже в момент получения. Как-то один английский крестьянин выпил зимой по ошибке бутылочку

нитроглицерина в надежде согреться. Естественно, он был найден на дороге мертвым. Когда замерзшее тело положили оттаивать возле печки, оно взорвалось, разрушив здание.

Трудно сказать, почему именно взрывчатые вещества вызвали особенный интерес Альфреда. Может быть, именно слабое здоровье особенно остро пробуждало в нем желание вступить в поединок со смертью, требующий мужества, внимания и хладнокровия. До конца своих дней, уже будучи богатым предпринимателем, способным нанять целый штат первоклассных химиков, Нобель продолжал проводить опыты самостоятельно или с помощью одного-единственного ассистента.

...Они уже час гуляли по парку – юный швед и молодая датчанка. Где-то вдалеке раздавались оживленные голоса – по четвергам в петербургском доме мадам Дезри собирались иностранцы, по воле судьбы осевшие в России. Альфред приехал в Северную Пальмиру вместе с отцом, Анна же родилась здесь – ее предка, известного датского судопромышленника, некогда пригласил на службу сам Петр I. Невысокая, грациозная, живая – когда Альфред впервые увидел Анну, ему показалось, что все любовные стихи были написаны о ней, только о ней. Петрарка, Шелли, Гете – потрепанные книжки, которые он брал с собой в каждую поездку, теперь казались ненужными, ведь рядом есть та, очарование которой не в силах выразить самые восторженные сонеты. Анна, впрочем, к кавалеру подобных чувств не питала – Альфред совсем не походил на байронического красавца из ее снов. Он, конечно, очаровательный меланхолик и чудесно читает стихи, но, право, тщедушность и бледность хороши до известных пределов. (Альфред и впрямь не отличался здоровьем – чахоточный цвет лица он имел от природы, и белилами, подобно записным модникам, ему пользоваться не приходилось.) Но с другой стороны, он был прекрасным собеседником – в свое время папа решил, что лучшее образование для сына – длительное путешествие, и в свои семнадцать Альфред уже объездил всю Европу и даже побывал в Америке. «Океан меня разочаровал, – говорил он скучающим голосом. – Мне он представлялся гораздо больше». Восхищенная Анна кокетливо наклоняла головку, поглядывая из-под ресниц в его сторону. Стихам она была особенно рада – маменька прятала от нее и Шелли, и Байрона, справедливо полагая, что эти «страсти роковые» окончательно задурят голову ее юной дочке. Иногда, дрожа от волнения, Альфред брал Анну за руку, пылко говоря что-нибудь вроде: «Все красоты мира меркнут перед вашей красотой», – и польщенная девушка – о чудо! – не отнимала руки. А затем возвращалась к себе, рассеянно размышляя – а не влюбилась ли она?

Для Альфреда дни проходили словно в тумане. Он с нетерпением дожидался четвергов, в прочие же дни сочинял мадригалы. Несколько месяцев спустя окончательно потеряв голову он уже грезил о семейном счастье, позабыв о своем решении учиться и помогать отцу: «Жениться, непременно, теперь же – и посвятить себя искусству, литературе, театру. Что может быть прекраснее?..» Слушая эти признания, брат Людвиг только качал головой. Однако все мечты рухнули в одночасье...

На статного красавца Франца Лемаржа Альфред сначала не обратил внимания – в доме графини бывало много народа. Но, увидев, какие взгляды бросает на него Анна, не на шутку заволновался. Франц сыпал любезностями и пересказывал последние сплетни австрийского двора – его отец служил там, пока его не направили в Петербург по дипломатической линии. Альфред ненавидел таких выскочек всем сердцем – известно, как эти великосветские хлыщии умеют задурить мозги неопытным девушкам. Да и по службе они всегда добиваются успехов, а приличные люди прозябают в неизвестности. Альфред старался изо всех сил, рассказывал Анне самые занятные истории, какие только знал, но все тщетно – под любым благовидным предлогом она покидала его и уходила слушать Франца.

Все решилось на день ангела. Лемарж был в ударе: сыпал остротами, танцевал, пил шампанское. На Альфреда же накатила одна из его обычных депрессий – та темная волна,

за которой уже не различаешь людей и предметы, и хочется сесть в угол, сжаться и замереть навсегда. Но безжалостная судьба подготовила ему еще одно испытание: Лемаржу вдруг захотелось поближе познакомиться с застенчивым соперником. «Как вы относитесь к математике? – спросил он, подходя с бокалом шампанского. – Не правда ли, в естественных науках должен теперь разбираться каждый мужчина?» Альфред заметно напрягся и гордо ответил, что его отец – известный естествоиспытатель и промышленник, а сам он изучал указанные науки у лучших учителей. «О, неужели? – притворно удивился Франц. – Так, может быть, вы сможете решить вот это?» – он набросал на салфетке какую-то формулу. Нобель неуклюжим движением подвинул салфетку к себе: в голове прыгали формулы, квадратные корни, но задача никак не решалась. Вдоволь насладившись смятением Альфреда, Лемарж несколькими легкими росчерками завершил построение. «В этом нет ничего удивительного, и мсье Нобелю нечего стесняться, – объявил он окружающим. – Я ведь собираюсь поступать в университет по математическому разряду, зато из Альфреда, полагаю, выйдет замечательный литератор».

Свадьба Анны Дезри и Франца Лемаржа шумела на весь Петербург. Нобели тоже были приглашены, но Альфред сказался больным. Вернувшись, родные действительно нашли его в тяжелейшей горячке, а на полу рядом с кроватью белели листки с только что написанной поэмой – что-то про умершую возлюбленную, белый саван и запах увядших роз. Почти неделю Альфред не приходил в себя, и отец, забросив дела, сутки напролет сидел у постели сына, кляня и датских красоток, и Петербург, и эти детские романы, будь они неладны.

После громкой свадьбы Анны Дезри и Франца Лемаржа на «Литейных заводах» и в «металлургических цехах Нобеля» царил переполох: хозяин, всегда такой пунктуальный и въедливый, не появлялся уже неделю, и даже теперь, на регулярном собрании управляющих, его кресло пустовало... Эммануилу было не до них: он сидел в комнате сына и читал записку, которую Альфред написал, едва оправившись от болезни. «С этого дня, – почерк был еще нечетким, строчки прыгали, – я больше не нуждаюсь в удовольствиях толпы и начинаю изучать великую книгу природы, чтобы понять то, что в ней написано, и извлечь из нее средство, которое могло бы излечить мою боль». Сам Альфред, завернувшись в одеяло, молча наблюдал за реакцией отца. Эммануил дочитал до конца, помолчал и рубанул ладонью воздух: «То есть ты хочешь доказать этому паркетному прыщу, что он и мизинца твоего не стоит?» – в юности Нобель-старший служил матросом. Альфред кивнул: «Стать изобретателем. Самым знаменитым. Обойти всех в естественных науках. Чтобы обо мне узнал весь мир. – И чуть тише добавил: – И тогда она раскается, но будет поздно...»

Вернувшись в Санкт-Петербург через три года, Альфред Нобель начал работать в находящейся на подъеме компании отца «Фондери э ателье меканик Нобель э Фий» («Фаундериз энд машин шопс оф Нобель энд санз») и вновь установил контакт со своим учителем Николаем Зининым. Зинин особо интересовался проблемами органической химии и, в частности, нитросоединениями. Открытая им «реакция Зинина» принесла ему мировую известность.

Нитроглицерин также был хорошо известен русскому химику. С началом Крымской войны он провел серию опытов в надежде использовать его взрывчатые свойства в военном деле. Нобель и Зинин были соседями по даче. Летними вечерами профессор проводил в старой кузнице эксперименты с грозной жидкостью. Альфред наблюдал за его работой. Однако попытки использовать нитроглицерин в снарядах закончились неудачей, и в 1854 году опыты были прекращены.

Война продолжалась, и российское правительство нуждалось в большом количестве боеприпасов. Старшему Нобелю был сделан заказ, принесший настолько хорошую прибыль, что он смог рассчитаться со всеми долгами в Швеции. За вклад в развитие российской про-

мышленности Эммануил был награжден Золотой императорской медалью с формулировкой «За старания и дух взаимопомощи».

В конце войны компания была перепрофилирована на производство машин и деталей для пароходов, строящихся для плавания в бассейне Каспийского моря и реки Волги. Тем не менее заказов на продукцию мирного времени оказалось недостаточно, чтобы покрыть брешь в заказах военного ведомства, и к 1858 году компания стала переживать финансовый кризис. Семья опять разделилась – Андриетта вместе с младшим сыном Эмилем вернулась в Стокгольм. Через несколько лет приехал в Швецию и Альфред, тогда как Роберт и Людвиг остались в России, чтобы ликвидировать дело и спасти хотя бы часть вложенных средств. Впоследствии Людвиг и его сын (названный в честь Нобеля-старшего) создали знаменитую нефтяную компанию «Бранобель» («Товарищество братьев Нобель»), благодаря которой Россия стала одним из ведущих экспортеров нефти.

В 1862 году Людвиг взял в аренду, а спустя восемь лет купил завод, расположенный на берегу Большой Невки, близ церкви Святого Самсония на Выборгской стороне. Это был даже не завод, а небольшие мастерские, спрятавшиеся среди огородов в тихом дворе купеческого дома. Под руководством Людвиг (впоследствии к нему присоединился Роберт) дело быстро расширилось. Высокой оплатой он привлекал талантливых инженеров и квалифицированных рабочих, и скоро оборудование и станки Нобеля вновь стали известными на всю Россию. По заказам военного ведомства фирма Людвиг производила подводные мины, снаряды, скорострельные пушки, торпеды. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов завод на Самсониевской набережной оказал стране неоценимые услуги, снабдив войска прекрасным оружием новой конструкции.

Не раз «Товарищество» стояло на грани краха, и если бы Альфред не приходил братьям на помощь, они бы снова могли оказаться банкротами. Являясь совладельцем фирмы (в ее акции была вложена шестая часть его огромного состояния), Альфред помогал личными средствами, организовывал крупные займы у русских и иностранных банков, а в трудные времена входил в состав правления, чтобы привести в порядок расстроенные дела компании. Немало пользы Альфред принес фирме и в качестве химика и инженера. Людвиг Нобель в полной мере проявил свой талант инженера и организатора. Он первым в мире стал перевозить нефть в цистернах и танкерах. Построенные на его собственном заводе паровые насосы качали черное золото с промыслов на заводы и в гавани по первым в мире нефтепроводам. На месте земляных ям выросли стальные резервуары. Людвиг применил новые методы химической очистки продуктов (некоторые из них были предложены Альфредом), и вскоре из лучшей в мире бакинской нефти стали получаться лучшие в мире смазочные масла и керосин.

Нефтеналивные суда – изобретение Людвиг – особенно поразили современников. Как писал один из них, «после взрывчатых веществ танкеры – наиболее блестящее достижение, которым мир обязан Нобелям». Первый танкер был спущен на воду в 1878 году, а вскоре у Нобелей появился собственный флот, огромный парк цистерн и сеть складов по всей России. В начале XX века «Товарищество» добывало больше нефти, чем все Соединенные Штаты. За счет прибылей от продажи нефти Баку превратился в красивый зеленый город, напоминающий своей архитектурой Петроградскую сторону Петербурга.

Не меньшую славу завоевало и другое детище Людвиг – его механический завод. С началом деятельности «Товарищества» завод прекратил производство оружия и начал изготавливать нефтяное оборудование. Однако переломный момент в истории завода наступил в 1898 году, когда сын Людвиг, Эммануил, купил у Рудольфа Дизеля патент на изобретенный им шестью годами раньше двигатель внутреннего сгорания. До этого времени двигатели Дизеля не были востребованы, а сам изобретатель начал терять в них веру. Зейлигер, известный немецкий специалист в этой области, писал впоследствии: «Только завод в Петербурге смело и с уверенностью продолжал выхаживать тяжелые детские болезни двигателя. Неф-

тяным двигателем дизель сделался в России». Широкое распространение дизелей увеличивало потребность в нефти и еще больше содействовало процветанию фирмы. Завод стал известен всему миру под названием «Русский дизель». Петербургский дом Нобелей до сих пор стоит на Большой Невке, а напротив него, на другом берегу реки, недавно установлен памятник Альфреду Нобелю.

Если Нобель-отец был вынужден довольствоваться званием купца первой гильдии, то его внук дослужился до действительного статского советника и получил потомственное дворянство. Активная предпринимательская деятельность Нобелей закончилась одновременно с национализацией бакинской нефти. Правда, компания «Бранобель» успела продать акции алчному Джону Дейвисону Рокфеллеру. И совсем не дорого – за семь с половиной миллионов долларов.

Эммануил производил эксперименты почти со всеми видами взрывчатых веществ, и Альфред пошел по его стопам. Вернувшись в Швецию, он посвятил все свое время механическим и химическим экспериментам, получив при этом три патента на изобретения. Эта работа поддержала его последующий интерес к экспериментам, Альфред проводил их в маленькой лаборатории, которую его отец оборудовал в своем имении в пригороде столицы.

В это время единственным взрывчатым веществом для мин (независимо от их назначения – в военных или мирных целях) был черный порох. Тем не менее, уже тогда было известно, что нитроглицерин в твердом виде является чрезвычайно мощным взрывчатым веществом, применение которого сопряжено с исключительным риском из-за его испаряемости. Никому еще в то время не удалось определить, как можно управлять его детонацией. В 1861 году, после нескольких непродолжительных экспериментов с нитроглицерином, Эммануил Нобель отослал сына Альфреда в Париж для поиска источника финансирования исследований. Миссия нашего героя оказалась успешной, так как ему удалось получить заем в 100 тысяч франков. Несмотря на уговоры отца, Альфред отказался от участия в данном проекте. Но в 1863 году, ознакомившись с опытами русских химиков Н. Зинина и В. Петрушевского, он изобрел практичный детонатор, который предусматривал использование пороха для взрыва нитроглицерина. Это изобретение стало одним из краеугольных камней его репутации и благополучия.

Один из биографов Нобеля, Эрик Бергенгрэн, описывает данное устройство следующим образом: «В первоначальном виде... [детонатор] был сконструирован таким образом, что инициирование взрыва жидкого нитроглицерина, который содержался в металлическом резервуаре сам по себе или был залит в канал сердечника, осуществлялось взрывом более малого заряда, вставляемого под основной заряд, причем меньший заряд состоял из пороха, заключенного в деревянный пенал с пробкой, в которую был помещен воспламенитель».

Чтобы усилить эффект, изобретатель неоднократно изменял отдельные детали конструкции, а в 1865 году заменил деревянный пенал металлическим капсюлем, начиненным детонирующей ртутью. Благодаря изобретению этого так называемого «взрывающегося капсюля» в технологию взрыва был заложен принцип первоначального воспламенения. Это явление стало фундаментальным для всех последующих работ в данной области. Указанный принцип превратил в реальность эффективное использование нитроглицерина, а в последующем – и других испаряющихся взрывчатых веществ как независимых взрывчатых материалов. Кроме того, данный принцип позволил приступить к изучению свойств взрывчатых материалов.

3 сентября 1864 года Стокгольм потряс мощный взрыв. Сто килограммов нитроглицерина, дожидавшиеся отправки на новой фабрике братьев Нобель, превратили здание в руины и погребли под обломками всех рабочих. Шведские газеты в ужасе писали: «Там не было трупов, только груды мяса и костей». Альфред отделался легкими ранами на лице, но самое страшное известие было впереди: во время катастрофы вместе с рабочими погиб его млад-

ший брат Эмиль, приехавший на каникулы к родным. Существует легенда, согласно которой Нобель, потрясенный смертью брата, дал клятву завещать все деньги, которые ему даст производство динамита, на международные премии. Эта версия не подтверждается ни одним документом. Да и сомнительно, чтобы дотла разоренный Альфред, сам чудом оставшийся в живых, мог думать о том, как использовать прибыль от продажи динамита, который еще не был изобретен. Когда отцу сообщили о случившемся, он несколько минут отрешенно молчал, затем дернул головой, словно собираясь что-то сказать, и неловко завалился в кресло: старика разбил паралич. Восемь долгих лет он провел, не вставая с кровати, и каждое утро сиделка выносила из его комнаты кипы аккуратных карандашных набросков. Милые деревенские пейзажи, тихие улицы, морские виды – их можно было бы продавать в сувенирных лавках с надписью «Из Швеции с любовью», если бы не одно обстоятельство – на переднем плане каждого рисунка с поразительной точностью были изображены взрывы, разрушенные дома и мины-каракатицы...

Но, несмотря на все это, Альфред Нобель не стал искать более безопасной профессии и не опустил руки. Уже два месяца спустя он основал «Нитроглицериновую компанию». На первых порах персонал фирмы состоял из одного человека, который был одновременно управляющим, главным инженером, бухгалтером и коммивояжером. Нетрудно догадаться, что этим человеком был сам Нобель. Компания просуществовала пятьдесят лет и стала одним из крупнейших концернов Европы.

Случай, происшедший на фабрике братьев Нобель, был первым в новой череде несчастий и неудач. Однако это не остановило Альфреда. Так как власти запретили эксперименты с нитроглицерином в пределах Стокгольма по соображениям безопасности, наш герой был вынужден перенести свою мастерскую на баржу на озере Макларен. Главное, что он пытался постичь, почему нитроглицерин взрывается так легко. Альфред должен был сделать такое взрывчатое устройство, которое, когда бы ни возникла потребность в его применении, не ставило бы под угрозу жизни тех людей, которые это устройство применяют.

В 1863 году Нобель взял в Швеции патент на применение нитроглицерина в технике. Не отрицая важной роли Альфреда в организации промышленного производства новой взрывчатки, следует, однако, ясно указать, что предоставление ему патента на разрывное масло было совершенно неправомерным. Дело в том, что не он первым получил нитроглицерин, не он обнаружил его взрывчатые свойства, не он один искал способы его применения...

Несмотря на возникшую в обществе враждебность по отношению к производству и использованию нитроглицерина, Нобель в октябре 1864 года убедил правление Шведской государственной железной дороги использовать разработанное им взрывчатое вещество для прокладки туннелей. Чтобы производить это вещество, он добился финансовой поддержки со стороны шведских коммерсантов: была учреждена компания «Нитроглицерин Лтд.» и построен завод. В течение первых лет существования компании Нобель был распорядительным директором, технологом, руководителем рекламного бюро, начальником канцелярии и казначеем. Кроме того, он устраивал частые выездные демонстрации своей продукции. Среди покупателей значилась Центральная тихоокеанская железная дорога (на американском Западе), которая использовала нитроглицерин, выпускаемый компанией Нобеля, для прокладки железнодорожного полотна через горы Сьерра-Невада. После получения патента на изобретение в других странах Альфред основал первую из своих иностранных компаний «Альфред Нобель энд К°» (Гамбург, 1865).

Хотя Нобелю удалось решить все основные проблемы безопасности производства, его покупатели иногда проявляли небрежность в обращении со взрывчатыми веществами. Это приводило к случайным взрывам и гибели людей, к некоторым запретам на импорт опасной продукции. После стокгольмской трагедии взрыв сравнял с землей завод Нобеля в Гамбурге. Взрывы унесли сотни жизней в Нью-Йорке, Сиднее, Сан-Франциско, Ливерпуле. Несмотря

на это, Альфред продолжал расширять свое дело. В 1866 году он получил патент в США и провел там три месяца, добывая средства для гамбургского предприятия и демонстрируя свое «взрывающееся масло». Нобель принял решение основать американскую компанию, которая после некоторых организационных мероприятий стала называться «Атлантик джайэнт роудер К°» (после смерти Нобеля она была приобретена фирмой «Е. И. Дюпон де Немур энд К°»). Изобретатель ощутил холодный прием со стороны американского бизнесмена, который страстно желал разделить с ним прибыль от деятельности компаний, производящих жидкую взрывчатку. Позже Нобель записал: «По зрелому размышлению жизнь в Америке показалась мне чем-то неприятной. Преувеличенное стремление выжать прибыль – это педантизм, который в состоянии омрачить радость общения с людьми и нарушить ощущение уважения к ним за счет представления об истинных побудительных мотивах их деятельности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Пул – (англ. сленг, pool – общий котел) – форма объединения (соглашения) между предпринимателями, обычно временного, при которой прибыль ее участников поступает в общий фонд и распределяется между ними согласно заранее установленным соотношениям.

2.

Аннуитет – периодически уплачиваемая денежная сумма (взнос, рента, доход). В страховом деле аннуитет означает причину ежегодных выплат по страхованию ренты или пенсий. Аннуитетом также является ежегодная денежная сумма определенного размера, выплачиваемая кредитору в погашение полученного от него займа, включая проценты.